

ПРАВОСЛАВНЫЙ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СБОРНИК ДЛЯ ВСЕХ

Апрель 2013, №4(20)

АДАМ и ЕВА

Созерцая друг друга

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

XXI век

ДЕТИ СОДОМА

АД и СВОБОДА

Редакторские заметки

ГРАНИ

В этом, пронизанном грехом мире, мы всегда живем на грани чего-то. На грани между здоровьем и болезнью, болезнью и смертью, между ложью и правдой, между войной и миром, ненавистью и любовью, между добром и злом.

Грань, граница. Момент выбора. Можно шагнуть в одну сторону, можно – в другую, и от этого шага, может быть, будет зависеть наша или чья-то судьба, а может быть и жизнь. Пока этот шаг не сделан, мы – на грани. А еще, по нашему разумению, делая добро, мы, на самом деле, можем причинить зло. Говоря правду, можем убить, солгав, можем спасти, а промолчав, можем стать преступником. Безумно любя, можем навредить и т. д.

Поэтому, прежде чем что-то сделать или сказать, необходимо хорошо подумать, а для этого нужно вообще научиться мыслить. Грани нужно уметь находить. Например, как определить грань между героизмом и безумством, или похвалой и лицемерием?

Броситься под танк со связкой гранат, или грудью – на дзот, защищая Родину – героизм? Да.

Взорвать себя вместе с десятками ни в чем неповинных людей, нацепив пояс шахида, – это героизм? Нет. Это безумие.

Как научиться определять грань между путём к Богу и – от Него?

Христос показал. Его гранью был Крест. Он добровольно этот Крест взял, понес его и Сам распялся на нем за нас. Смиренно, безропотно и молясь за своих палачей. С этого Креста Он сошел сначала в смерть, а потом вернулся в жизнь. Ибо Сам есть Жизнь. Являясь Богочеловеком, Иисус Христос своей жизнью, смертью и Воскресением, принеся себя в жертву за человечество, показал нам грань между жизнью с Богом и смертью с диаволом.

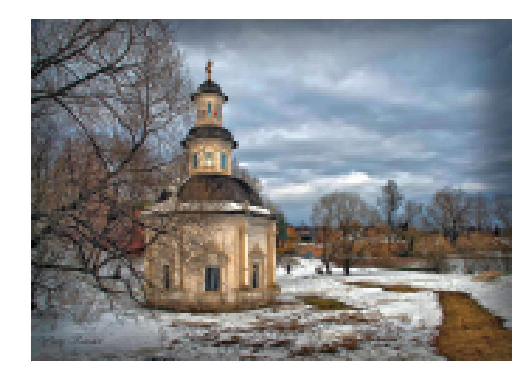
Во Христе одновременно неслитно соединились Небо и земля. Бог и Человек. И мы – люди, тоже призваны Господом к богочеловечеству через соединение со Христом в Святых Таинствах, которые преподаются только в Церкви. Через соблюдение Христовых Заповедей. Через подражание Христу. Все это отражено в Евангелии.

Евангелие – бриллиант, имеющий бесконечное множество граней, которые сходятся в одной точке. Эта точка и есть мера всего. Эталонный прибор правильного соединения разума, любви и веры. Без правильного соединения этих трех величин любая из них опасна. Потому как если любовь и вера не по разуму, так же как разум без любви и веры, то обязательно случается беда. И хранится этот правильно соединяющий все чувства, мысли и дела, единственный неповрежденный и сложный инструмент в Православной Церкви. По нему можно уверенно сверять всю свою жизнь, находить грани и выбирать путь. Называется этот инструмент – православная духовная жизнь.

Но при этом нужно понимать, что любым, даже самым простым прибором нужно сначала научиться пользоваться. А это можно сделать, не просто изучая Евангелие, но живя жизнью Православной Церкви и изучая духовную науку с помощью духовно-опытных преподавателей. Это и есть узкий путь к вратам Царствия Небесного, которое сокрыто в сердце каждого из нас.

Олег Рыжков

18 МАРТА – 4 МАЯ
ВЕЛИКИЙ ПОСТ

7 АПРЕЛЯ

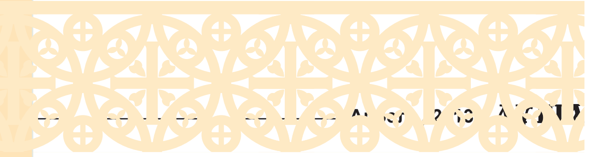

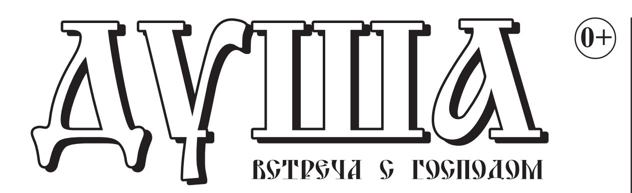
БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

28 АПРЕЛЯ

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ (ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ)

Православный духовно-просветительский сборник «Душа - встреча с Господом».

Одобрено синодальным информационным отделом РПЦ.
Св-во № 217, 12.07.2012.
Зарегистрирован УФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по НСО.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ 54-00382 от 28.07.2011.
Учредитель и издатель: Рыжков О. Г.
Адрес редакции и издателя: 633010, Новосибирская обл., г. Бердск, ул. Карла Маркса, 15 - 75

Редактор-цензор: прот. Дионисий Михалев
Лит. редактор: Ангелина Гургуца
Редактор: Олег Рыжков
Дизайн и верстка: Алексей Николаевич
Распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии ОАО «Советская Сибирь» 630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
Дата выхода: 1 апреля 2013г.
Заказ № . Тираж 38000 экз.

т. 8 (38341) 2-25-97, 8-963-942-96-57
E-mail: dusha.65@bk.ru

Дорогие братья и сестры!

Просим вашей помощи и поддержки!

Хотя сборник распространяется бесплатно, издается он за деньги. Каждый месяц на издание **30 000 экз.** требуется **163 000 руб.** Это только типографские расходы, не считая редакционных. Если для вас имеет значение существование массового **бесплатного** Православного издания – помогите в его создании. Важна любая ваша помощь!

СДЕЛАТЬ ПОЖЕРТВОВАНИЕ НА ИЗДАНИЕ СБОРНИКА ОЧЕНЬ ПРОСТО И УДОБНО:

Внесите в Вашу телефонную книгу номер нашего редакционного телефона: **8 963 942 96 57(Билайн)** и, отправляясь пополнить счет Вашего телефона, внесите любую сумму и на наш редакционный номер, исходя из Вашего желания и возможностей.

Также можно внести любую сумму на счет **410011484072751** в **«Яндекс. Деньги»** через Интернет или любой терминал самообслуживания, работающий с электронными кошельками.

Мы издаем сборник на ваши пожертвования, и без вашей помощи нам не справиться! Благодарим всех, кто нам помогает.

СОДЕРЖАНИЕ:

Святейший Патриарх Кирилл о посте

В чем, действительно, специфика постного подвига человека XXI века? Я согласен, что поститься стало легко, комфортно, даже приятно. Люди сбрасывают вес, чувствуют себя лучше, переходя на вегетарианскую пищу. Все это в нынешних условиях почти не связано с напряжением воли, с каким-то сверхусилием. Это даже не так, как в моем собственном детстве, о котором я нередко вспоминаю, когда единственной пищей были картошка, каша и кислая капуста. Вот тогда действительно хотелось есть, тогда ограничение себя в скоромной пище было, может быть, даже подвигом – не таким уж огромным, но он, тем не менее, требовал напряжения, особенно в детском возрасте. Сегодня все иначе, и, действительно, где же самая главная точка приложения всех наших духовных сил? Мы становимся лучше или хуже?

Но вот в первом вопросе очень правильно сказано: нет свидетельств того, что человек, живший 300 или 500 лет назад, был хуже или лучше нас. Некоторым даже кажется, что предшествовавшие нам поколения в нравственном отношении были лучше. Опять-таки, трудно судить. Бог будет судить и каждого человека, и каждое поколение. Но вот сказать, что поститься сегодня стало легче, никак нельзя – только нужно понять, в чем же сегодня заключается тяжесть постного поприща.

Мы живем в мире, из которого нельзя никуда уйти. Мы живем в открытом мире, информационные потоки которого проникают в наш дом, в нашу спальню. Ведь у многих телевизоры стоят прямо рядом с кроватью; человек открывает себя для всех веяний века сего. И если повнимательнее посмотреть на то, что предлагает сегодня современный мир человеку постящемуся, то можно сделать один очень грустный вывод – все это представляет собой гигантское искушение на уровне мысли, на уровне чувств, на уровне воли. Никогда человек не подвергался таким искушениям, таким соблазнам – не в лоб бьющим, а исподволь проникающим в подсознание, формирующим некое негативное отношение к христианским ценностям, почти без участия самого человека.

Совсем недавно совершенно случайно я включил телевизор. В России, где большинство людей православные, молодые женщины с юмором обсуждают какую-то тему. Вначале эти лица вызвали у меня симпатию – действительно, люди остроумные, реакция хорошая. Но когда я прислушался к тому, о чем шла речь, я ужаснулся. Мне неудобно вам сказать, о чем шла речь. Мне неудобно использовать даже слова, которые с легкостью использовали эти женщины, работая на многомиллионную аудиторию, в которой большинство составляют люди православные, на аудиторию, где огромное количество детей и подростков. Я постараюсь очень прикровенно сказать, о чем шла речь: вступать в интимные отношения нужно с первой встречи или со второй? А вывод всей передачи заключался в следующем – наслаждайтесь сексом.

И ведь это не одна передача. 24 часа в сутки по десяткам каналов на нас обрушивается этот информационный поток, который разрушает всякое подобающее посту состояние. Какая еда? Какая селедка? Какой кусок сливочного масла? Мы сталкиваемся с колоссальным воздействием на нашу душу, и для того чтобы победить это воздействие, от человека требуются огромные усилия.

Сегодня поститься несравненно тяжелее. Но думаю, что и результат поста несравненно выше. Человек, способный преодолеть притяжение зла, усиленного всей мощью современной технической цивилизации, становится действительно свободным и действительно обретает то, к чему Господь призывает нас, – он обретает общение с Ним, а значит, полноту жизни и жизнь вечную.

pravmir.ru

За что мы наказываемся

1 марта Церковь отмечала день памяти святителя Макария (Невского), предлагаем Вашему вниманию одну из проповедей этого великого подвижника и миссионера.

Како потемне злато и помрачися сребро доброе?

Золотое сердце было у тебя, русский народ. Как же потемнело это золото? Серебро доброе были твои нравы и обычаи. Как же помрачилось это сребро доброе?

Русь святая, что сталось с тобою? Где твоя святость? Кто возвратит нам то благочестие предков наших, которые за веру православную, за дом Пречистой Богоматери, за Царя Самодержавного, за землю русскую готовы были отдать всё, не только имущество, но и самую жизнь? Тогда весь русский народ был, как один человек: все думали одну думу, как бы постоять за те устои, на которых стояла земля русская: за веру, за Царя, за народ благочестивый. Все сословия: и бояре, и земледельцы, и богатые, и бедные составляли как бы одну семью. Где земледелец – там и боярин; где купец – там и нищий. Настанет ли праздник Господень, и все идут в храм Божий: князь и боярин с сумой для милостыни, и бедняк в лохмотьях, и нищий с протянутой рукой, и земледелец с копейкой трудовой на свечку Богу, – все идут в храм Божий, и для всех там было место. А пьянства и греховных увеселений, отвлекающих ныне людей от праздничной Божией службы, отнюдь не допускалось: все питейные дома запирались в субботы до понедельника; о зрелищах и увеселениях под праздники, как допускают ныне, и помину не было.

Супружества были связаны неразрывными узами до гроба. Дети воспитывались в страхе Божием, в повиновении родителям, в почтении старшим. Не много было тогда мужей ученых, но все они были люди верующие, благочестивые. Простой народ разным наукам хотя и не учился, но хорошо знал ту науку, которую давала ему Святая Церковь; от нее он учился по Псалтири, по Прологам или толковым Евангелиям, по житиям святых, по Златоусту и другим учителям Церкви, которые читались в храмах Божиих. Из этих книг народ не только умудрялся на спасение, но научался и житейской мудрости. Много и доныне осталось мудрых народных изречений от старых времен; из сборников их составляются ныне целые книги. Откуда у предков наших та мудрость, которую можно уподобить изречениям древних мудрецов иудейских и эллинских? Все это, или почти все, благочестивый народ воспринял из писаний, которые читались ему в храме и которым он научился и дома. Ныне не то стало; все пошло по-иному, но только не по-Божьему. Старое мы стали бросать и нового доброго ли наживаем? От добрых старых обычаев у нас остались только клочки. Мы проживаем старое богатство, доставшееся нам по наследству от добрых наших предков, как проживал блудный сын наследство своего доброго отца. Нужны ли примеры для этого? Вот, в старину и боярин, и купец, и ремесленник, и земледелец – все любили Святую Церковь, как матерь свою. Ныне многие стали чуждаться Святой Церкви, стыдиться, как стыдится иногда юноша своих простых родителей, попавший в город по их же милости и наслушавшийся насмешливых рассказов недобрых людей о простоте селян и мнимом превосходстве городских жителей.

В старину и князь, и боярин, и купец, и земледелец чтили праздники Господни; все более или менее любили посещать храмы Божии; с вечера шли к вечерне; утром, вставая рано, шли к утрени, а потом к литургии. Ныне не то. Посмотрите, кем ныне бывают наполнены наши городские храмы? Там только простой народ, да и тот далеко не весь и не всегда. Все знатное и богатое там отсутствует; нет их ни на вечернем, ни на утреннем богослужении. С вечера одни из них сидят в домах увеселений, в театрах; другие в домашних спектаклях, в прогулках; иные за картежными столами, а утром, когда бывает литургия, они еще спят после вечерних и ночных увеселений.

В старину весь русский народ составлял одну семью, у которой была одна вера, одни обычаи. Ныне разделился русский народ. Каждое сословие избрало для себя как бы свою особую веру, свои обычаи. Верхние сословия стали стыдиться веры своих отцов и остались совсем без веры или же пошли за изобретателями новых вер, сделались последователями новых лжеучителей, образовавших новые секты, новые толки. Сред-

ние сословия избрали себе новых богов: торговое стало поклоняться злотому тельцу, которому приносит в жертву все свои труды, все время, ему отдает и все свои думы и все свое сердце; ремесленник то занят своим делом, препятствующим ему служить Богу, то отдается греховному отдыху в виде разгула, попоек и разного рода увеселений. И торговцы, и ремесленники живут также без веры и без Церкви. Только низшее сословие пока держится унаследованной от предков веры и обычаев, но и то далеко не все. И среди его образовался злополучный раздел: значительная часть простого народа отпала от Церкви, перешедши в раскол и сектантство с их многочисленными толками и разделениями.

Таким образом, как бы весь русский народ пришел в такое состояние, в каком некогда находился Израиль, который, отпавши от Бога и предавшись нечестию, за это подвергался разным наказаниям, а потом 70-летнему плену. Чрез пророка сказано было об этом народе: От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны (Ис.1:6).

Нечто подобное стало и с русским народом. И он как бы обратился от ног до головы в гнойный труп.

В верхних слоях его отступление от Бога, отпадение от Церкви, восстание против Богоучрежденной власти, крамолы и убийства, подстрекательства к бунту, убийства сановников и других верных царских слуг. В среднем сословии – торговом и ремесленном – поклонение золотому тельцу, с забвением о Боге, о правде и чести, о милости.

А о простом народе с сожалением должно сказать, что он спился и развратился. Он пропивает свое достояние, свои пожитки; он пьет с горя, пьет с радости; все сделки у него совершаются не иначе как с выпивкой.

Если он несет в жертву Богу свою трудовую копейку, то в винную лавку отдает полный рубль. Он сам пьет, и дети пьют; пьют и женщины.

Пьянство приводит его к разврату. Мужья оставляют жен, жены покидают мужей и идут за другими. Развращается и молодежь по примеру старших. Не было в старину такого разврата, как ныне. Усилилось ныне и воровство: один обкрадывает казну, и не считает это грехом; этот крадет святыню, обкрадывает церковь. Наемник обкрадывает хозяина, а хозяин не всегда отдает должное наемнику.

Обман и клятвопреступление также не стали считаться грехом. Кто только ныне не лжет, кто не обманывает? Нигде не стало честности и добросовестности. У самых, по-видимому, честных людей честность сохраняется только дотоле, пока ее сдерживает стыд и страх. У нас прошли те времена, когда можно было ценные вещи оставлять на дворе без запора и караула.

Трудно ныне найти человека, который сам объявил бы потерянную кем-либо вещь и доставил ее хозяину ее.

Так мы растеряли то сокровище добра, которое скопили наши предки и передали нам как богатое наследие, с которым соединялось Божие благословение.

Не потому ли мы теперь терпим неудачи? На окраине нашего отечества идет война, столь несчастливая для нас, что как будто Господь отступил от нас и не ходит с нами в войсках наших, предавши нас позору пред народами земли. И при таком унижении мы дерзнем ли сказать: за что, Господи? Ибо знаем, что мы, будучи народом, осчастливленным Богом и удостоенным милости Его преимущественно пред другими народами, обезславили имя Его нашей жизнью. Мы можем сказать только одно; Тебе, Господи, – правда, нам же – стыдение лица!

Несчастливые во внешней войне, мы ведем и внутреннюю войну, которая едва ли не тяжелее внешней. Это – наша внутренняя смута, которая раздирает наш народ, производит застой в работах. Нам грозит опасность придти в состояние того царства, которое, по Евангелию, разделившись само на себя, не устоит. Но при всем том мы как бы не чувствуем ударов; ибо пришли в состояние бесчувствия, подобно больному, пораженному параличом. Бедствие родины, как чужое, не трогает нас, и мы, даже при тяжелых ударах, говорим: не больно нам! Не для того ли Господь посылает к нам, кроме общего для всей страны бедствия, еще для каждого города и области особые несчастья: в одном месте у нас повальные болезни, в другом – падеж скота, в третьем – неурожай хлеба несколько лет сряду, в четвертом – волнения молодежи, волнения среди рабочих и другие смуты, грабежи, пожары. Несмотря на это, мы все еще готовы говорить: «Не больно нам» и продолжать есть и объедаться, пить и пропиваться, играть и проигрываться. По-прежнему пустеют наши храмы, и наполняются театры и дома народных увеселений любителями веселия.

Мы не только не чувствуем боли от поражающих нас ударов войны, убийства, мятежей, голода и других бедствий, но как будто у нас веселее стало с тех пор, как на отечество наше стали падать удары.

О, кто даст сердцу нашему сокрушение и очам нашим слезы, чтобы оплакать наши бедствия и выплакать пред Богом наше избавление?

О, Русь Святая! Вспомни свои добрые былые времена! Вспомни и те лихолетья, в которые ты умела прибегать к Богу с молитвой и покаянием и получала себе избавление! Вспомни Забытого тобою и помолись! Смех твой в плач да обратится; принеси покаяние и плоды, достойные покаяния.

Обрати нас, Господи, и мы обратимся. А без Тебя мы и сего не можем сделать.

Восстани, Господи, помози нам и избави нас имене Твоего ради!

pravoslavie.ru

Главный враг и главная добродетель поста

Продолжается Великий пост. Время непростое во всех отношениях. И самое сложное – определиться, как пройти этот отрезок времени, чтобы душе от этого была максимальная польза.

Прежде всего, важно настроиться на длительный срок. Поэтому разумно сначала определиться с тем, что по силам нашей изнеженной душе, а что просто доведет ее до изнеможения. Например, для одного естественно со вниманием прочитать многочасовое правило, а кого-то это приведет в состояние, когда и однудве молитвы невозможно заставить себя прочитать.

В молитвенном правиле разумно добавить для себя ровно столько, сколько мы сможем понести в течение всего поста. Для кого-то это несколько дополнительных молитв, а для некоторых – полный круг богослужения по часослову и триоди.

Так же и в ограничении себя в развлечениях. Не все имеют возможность уйти «в затвор». Многие ходят на работу, принимают у себя друзей, и это та часть жизни, которую не оставишь на семь недель. Но, общаясь с друзьями и коллегами, про пост не следует забывать. Только делать это надо не с постным лицом, вразумляя окружающих великопостными правилами, но просто воздерживаясь от пустопорожних обсуждений и осуждений. Впрочем, чем реже мы себе позволяем подобное вне поста, тем меньше будет поводов к неестественному поведению в эти дни. Получается, что христианином надо быть всегда, а не только однажды в году.

Главной помощью в великопостных трудах служит молитва. Молитва домашняя должна быть усилена дополнительными молитвословиями. Например, можно несколько раз повторить Иисусову молитву с поклонами: **«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй меня, грешного».** Эту же молитву можно повторять про себя в течение дня. Лучше всего о молитвенном правиле, как и о мере телесного поста, советоваться со своим батюшкой. Посещать храм необходимо чаще, нежели обычно, это тоже крайне важно.

Нужно стремиться к тому, чтобы и заснули мы с молитвой на устах. Важно помнить, что высоты умной молитвы доступны лишь тому, кто годами посвящал себя подвигу молитвы внимательной. Когда встречаешь современные поучения, призывающие к молитве внутренней, от людей, не наученных даже основам внимания на молитве, понимаешь, куда могут завести пути самоуверенного аскетизма. Поэтому, думаю, достаточно будет, если молитва будет неспешной, не отвлекаемой на внешнее и сосредоточенной на словах молитвы.

Самый страшный враг поста – телевизор. Ничто так не рассеивает внимание, как этот «голубой враг». Радио тоже желательно исключить. А интернет… здесь важно соблюдать благоразумие, более строгое, нежели вне поста. Лучше данные формы развлечения заменить чтением духовной литературы. Каждый выбирает то чтение, которое ближе его душе, но важно, чтобы литература не развлекала, а назидала.

Пост невозможен без добрых дел. Посмотрим вокруг себя и заметим множество людей, которые нуждаются в нашей помощи и поддержке. Одному необходимо наше доброе слово, другому

– финансовая помощь, третьему – физическая. Без помощи ближнему пост превратится в пустое занятие. Лишь совершенные могут с пользой провести пост в уединении, но мы с вами не относимся к этой категории.

Не стоит предполагать, что пост может пройти без искушений. Ведь искушение – это испытание. Помня это, мы должны быть готовы к тому, что здоровье нас может подвести, друзья – обидеть, начальство – проявить невнимание и излишнюю требовательность. Это нормально во время поста, все это можно перенести, полагаясь на Бога и помня, что и мы сами – «источник повышенной опасности» в эти постовые дни.

Что до пищи, то воздержание может принести пользу лишь тогда, когда оно не вредит здоровью и не более чем средство для усмирения тела. Этот вопрос надо решать с врачом и духовником. С духовником же надо решать и вопросы супружеского воздержания в пост. В этих двух вопросах излишнее к ним внимание и чрезмерное усердие способны принести больше вреда, чем пользы. Во всем должно быть благоразумие, здесь же благоразумие – основа преуспеяния.

А как же быть с детьми? Детей надо приучать к посту, но излишняя строгость вызовет лишь неприятие. Значит, дети должны сначала понять пользу от поста, и лишь тогда учиться посту. Нельзя заставлять ребенка делать что-то, «потому что так надо». Постараемся вызвать в детях стремление подражать нам, а всевозможные ограничения сведем к тому минимуму, который будет лишь радовать ребенка, а не надоедать ему. Впрочем, дети и пост – отдельная тема для разговора.

Ну что же, вот мы живем в великопостные дни. Вряд ли мы останемся такими же, какими были до поста. Часть из нас выдержит пост в молитве и воздержании, часть сойдет с пути по немощи и маловерию. Кого-то настигнут искушения, с которыми он не справится. Но все мы получим хороший урок. И польза будет, если урок нас научит главному, тому, что без стремления к полноте Богообщения наша жизнь неполноценна, ущербна, душевредна. Это знание поможет нам укрепиться в вере и уповании на Того, Кто есть Источник жизни, Путь и Спутник, Цель и Средство, Альфа и Омега.

Протоиерей
Андрей Ефанов
pravmir.ru

Великий пост – это не время, когда чего-то нельзя

«Что нельзя в пост? Что можно?», – наверное, каждый священник получает множество таких вопросов перед Великим постом. Насколько важны эти «можно–нельзя», насколько значимы в понимании и переживании поста? Размышляет протоиерей Алексий Уминский.

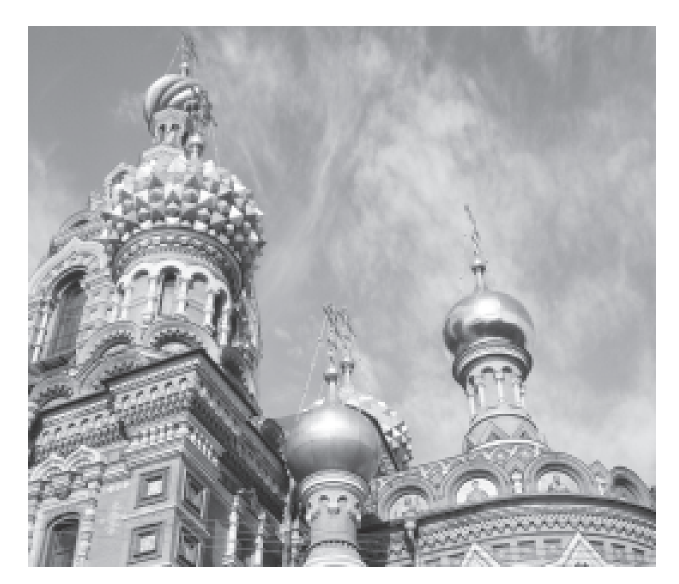
Вопрос в том, насколько Великий пост или вообще пост становится для нас чем-то особенным в жизни. Потому что здесь – то же, что происходит с нашей исповедью, с празднованием и чувствованием церковных дней. Это нужно осмыслять не просто как некий период в жизни человека, а как наши личные переживания того, что происходит в Церкви, как происходит каждодневная богослужебная жизнь, богослужебный круг.

Это все наполнено глубокими, величайшими смыслами, которые раскрываются для человека как бесконечная книга. Каждый год – одни и те же праздники, казалось бы. Одно и то же Рождество, одно и то же Крещение, и Пасха повторяется каждый год… Но церковный круг – это такая совершенно не прочитанная книга, в которую обязательно надо глубоко вживаться, вчитываться, она меняется для человека с его духовным ростом.

Если этого духовного роста нет, если просто происходит это хождение по кругу только потому, что «так положено», то нет переживаний ни поста, ни праздника, ни радости. Самая большая радость получается – это когда кончился пост и можно что-то запретное съесть. Тогда прокричали три раза «Христос Воскресе!» и благополучно пошли разговляться и радоваться, что теперь уже и солнышко светит, и телевизор можно включить, и так далее.

Не христианский вопрос

Пост – это в принципе не время, когда что-то нельзя. Вопрос, что можно в пост, а что нельзя – самый, как мне кажется, бессмысленный. Потому что христианство, Евангелие и наша жизнь в Боге, – все это не строится по принципу «можно – нельзя». Я как-то на одной лекции миссионеров сказал, что «можно–нельзя» – это не про нас. Был такой шквал удивления: «Как же так, батюшка? Значит, можно грешить?».

Я отвечаю: «Нет, грешить нельзя, но понятие „нельзя“ и „грех“ – это разные понятия. Если мы будем говорить, что „зло“ – это „нельзя“, а „добро“ – это „можно“, тогда слово „добро“ лишается смысла. Если добро можно делать, а зло делать нельзя, тогда слово „добро“ лишается смысла. Разве к добру можно применить слово „можно“? Можно, я сделаю добрый поступок?». Тогда мои слушатели говорят: «Добро нужно делать». «И это нет! – отвечаю я. – Нельзя сказать: «Нужно делать добро», – это тоже лишает смысла слово «добро». Добро не нуждается в «нужно», понимаете? Так же, как и в «можно».

Так же и вся наша христианская жизнь теряет смысл, если она будет строиться по парадигме «что можно, а что нельзя?».

«Батюшка, а можно нам то-то и то-то?», – это вопрос, который чаще всего задается священнику. «Вы нам, батюшка, скажите, что можно, а что нельзя? Чтобы мы не стали лишний раз думать и не сделали какую-нибудь оплошность». Если же человек сделал то, чего «нельзя» делать, он воспринимает для себя это как расстрел.

Неужели ты что-то не делаешь, потому что нельзя? Неужели ты не убиваешь, потому что убивать нельзя? А если было бы можно убивать, ты бы убивал? Или ты не воруешь, потому что нельзя воровать? А если было бы можно воровать, ты бы воровал? А вот в Голландии можно курить марихуану, и потому, что там можно, ты пойдешь ее курить, если будешь проходить где-нибудь мимо кофе-шопа в Амстердаме? Значит, это уже можно? Разве так складывается наша жизнь, наше отношение с такими понятиями, как добро и зло, как любовь и ненависть, как помощь и отказ в этой помощи?

Если мы вдруг задумаемся об этом, то становится бессмысленна наша вера. Если мы всегда говорим «можно – нельзя» в рамках христианства, тогда вообще Христос уже не нужен. А если нет этих «можно – нельзя», то тогда открывается пространство для общения с Богом, для твоего понимания, что такое добро и что такое зло, твоего понимания самого себя, что в тебе это добро, которое стремится к Богу, что в тебе это зло, о котором апостол Павел сказал: «Бедный я человек, носящий это тело смерти! Что хочу делать – не получается, а что не хочу – оно само собой выходит».

То же самое во время поста! Ведь пост – это не время «можно – нельзя». Если пост низводится до этого понимания, то нет никакого поста, нет никакого пути, нет никакой встречи с Богом, нет никакой радости от поста, нет никакого переживания того, что ты сейчас, в этот момент можешь… Как написано в Евангелии, которое читается перед постом: «А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:16–18).

Если спрашиваете, как поститься, то прочтите эти несколько строчек. Если это не слышит человек, то нет никакого смысла, какими иконами ни обложись, как строго ни постись, как ни пытайся вычленять, когда можно масло, когда не можно… Сколько могу я выпить вина в такой день, а сколько не могу? Сколько мне можно выпить пива? Люди до безумия доходят иногда, действительно, всерьез воспринимают «масло и без масла». А если я в этот день масло-то поел, что теперь случится?

Изысканный пост?

Простите меня, но лучше есть сосиски и курицу Великим постом, чем все-таки дорогие изящные морепродукты – устрицы, лобстеры, королевские креветки, понимаете? Как хорошо в последнее время поститься стало! Зашел в дорогой супермаркет, – и все, нет проблем!

Иоанн Златоуст пишет: «Те деньги, которые ты сэкономил во время поста, отдай бедным – вот это будет пост». А то, что ты перешел с одного типа еды на другой тип еды – разве это пост? Разве это пост? Может быть, и пост, конечно, если это правильный переход, если ты, действительно, знаешь, что ты делаешь, если это дает тебе духовную пользу, и ты от этого становишься лучше, добрее, умнее.

Ты ел котлетки, стал есть картошку, сэкономил деньги – отдай их нищим: тогда это пост! Не знаю, что сказать еще, мне кажется, что столько всего сказано на эту тему. Но мало кто хочет об этом думать, потому что всех заботит один и тот же вопрос: «Что, батюшка, можно? Чего, батюшка, нельзя?»

pravmir.ru

О таинстве покаяния (исповеди)

Диалог с сектантом

Предлагаем вниманию читателей две главы из книги архимандрита Клеопы (Илие) «Путеводитель по православной вере».

Священник: Покаяние есть богоустановленное таинство, в котором Бог прощает грехи христианам, искренне кающимся в них перед священником. Покаяние, по святому Иоанну Дамаскину, – это «возвращение от того, что противно природе, к тому, что согласно с природою, и от диавола к Богу с помощью подвижнической жизни и трудов». Иначе говоря, оно есть добровольное обращение от прегрешения к противоположному ему добру. Таинство покаяния предполагает:

– раскаяние грешника перед духовником;

– исполнение епитимии, то есть дисциплинарного наказания, наложенного духовником;

– разрешение от греха (при этом ни один духовник не может дать разрешение от грехов тому, кто не соглашается исполнить наложенную на него епитимию).

Таинство покаяния возвещено и установлено Самим Спасителем. Он возвестил его, когда сказал апостолам: «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18), а установил после Своего воскресения, преподав им Духа Святого со словами: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:22–23).

Закон Моисеев предписывал не покаяние в грехах, но отмщение грешнику, так что убийство, нарушение субботы, прелюбодеяние и другие тяжкие преступления искупались лишь смертью, а всякий телесный вред – равным возмездием: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб (Исх. 21:23–25).

То, что преступник может покаяться и исправиться, даже не принималось в расчет. Но уже и тогда Бог устами пророков говорил о прощении грехов через покаяние. Так, у пророка Исаии читаем: Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих… Тогда придите – и рассудим… Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю (Ис. 1:16, 18). И в Книге Иезекииля: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был (Иез. 33:11).

И в Книге Осии: Обратись, Израиль, к Господу Богу твоему; ибо ты упал от нечестия твоего! Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу; говорите Ему: «отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших» (Ос. 14:2–3). О прощении через покаяние много говорится и в Псалмах царя и пророка Давида.

В Новом Завете Бог, желая приготовить мир к Своему пришествию во плоти, послал и нового проповедника покаяния – святого Иоанна Крестителя. Покайтесь, – призывал Иоанн иудеев, – ибо приблизилось Царство Небесное… сотворите же достойный плод покаяния (Мф. 3:2, 8). У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же. Мытарям (сборщикам налогов) он говорил: ничего не требуйте более определенного вам, а воинам – никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем (Лк. 3:11, 13–14).

Господь же Иисус Христос, раскрыв ограниченность и несовершенство закона, показал, что покаяние – путь к Царству Небесному: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк. 1:15); Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него (Лк. 16:16). Поэтому и великий апостол Павел сказал, что конец закона – Христос (Рим. 10:4) и что уверовавшему в Него прощено все, чего не мог простить закон Моисеев (см.: Деян. 13:38–39).

Покаяние состоит в обращении ко Христу и к Его Евангелию, в обращении от пути широкого и греховного на путь тесный и благой (см.: Мф. 7:13–14), то есть путь Церкви. Покаяние в том, чтобы сокрушаться всем сердцем о злых делах своих и твердо обещать Богу не возвращаться к ним (см.: 2 Петр. 2:20–22).

Покаяние в том, чтобы исповедовать свои грехи священнику (см.: Мф. 16:18–19; 18:18; Лк. 17:11–14; Ин. 20:19–23; Деян. 19:18; 1 Ин. 1:9). Пример оставления грехов подает Сам Господь, прощая расслабленного (см.: Мф. 9:1–8), жену-грешницу (см.: Лк. 7:36–50) и другую жену, взятую в прелюбодеянии (см.: Ин. 8:1–11).

В этих и многих других примерах – буквальное исполнение Его слов о том, что Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее (Мф. 18:11), ибо не здоровые имеют нужду во враче, но больные (Мф. 9:12). Идеал веры христианской – жизнь без греха, но, как говорит святой апостол Иоанн, если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника; Он есть искупительная жертва за гре-

Конец закона – Христос
(Рим. 10:4).
Покайтесь и веруйте в Евангелие
(Мк. 1:15).

хи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира (ср.: 1 Ин. 2:1–2).

Сектант: Христианин должен исповедовать грехи свои не перед священником, а перед всеми единоверцами, чтобы покаяние его не было тайным, но публичным. Так следует из слов Писания: Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга (Иак. 5:16).

Священник: Таинство покаяния могут совершать только те, кто имеет дар священства, ибо только апостолам, а через них – их преемникам, получившим благодать посвящения, вверил Спаситель отпущение и удержание грехов (см.: Мф. 16:19; 18:18). Известно, что апостол Павел отлучил от Церкви коринфянина, имевшего на совести тяжкий грех, и снова принял его в общение, когда тот покаялся (см.: 1 Кор. 5:3–11; 2 Кор. 2:5–11), и он же отлучил за богохульство Именея и Александра (см.: 1 Тим. 1:20).

Итак, власть связывать и разрешать грехи, равно как и власть устраивать все в Церкви, Христос вручил Своим ученикам и апостолам, а не всем и каждому, как полагаете вы, сектанты. А когда говорится: Признавайтесь друг пред другом в проступках (Иак. 5:16), это подразумевает, что миряне каются перед священниками, принимающими их покаяние в присутствии всей общины.

Сектант: Исповедовать грехи следует перед Богом, к Которому мы и взываем вместе с Псалмопевцем: Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисть беззаконие мое… ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною (ср.: Пс. 50:3, 5).

И от того же Псалмопевца узнаём, что Бог внемлет такому покаянию и прощает грехи: Беззаконие мое я познал и греха моего я не скрыл, сказал: Исповедуюсь Господу в беззаконии моем, и Ты простил нечестие сердца моего (ср.: Пс. 31:5). Но если так, незачем прибегать к посредничеству священников.

Священник: Вижу, ты остался глух к сказанному доселе и не веришь Писанию, из которого ясно, что не всякий может связывать и разрешать грехи. А теперь приступаешь с другими текстами, но и те употребляешь не к месту.

В Ветхом Завете кающийся исповедовал свои грехи Самому Богу, потому что по-иному в большинстве случаев и быть не могло. Но такое исповедание не было таинством покаяния, равно как и поставление в ветхозаветное священство не было тем таинством, в котором священники получали от Бога власть отпускать и удерживать грехи.

Оба таинства установлены лишь в Новом Завете по Воскресении Господа и после того как Он послал в мир Духа Святого с Его освящающими дарами. Но и в Ветхом Завете есть примеры, когда покаяние совершалось перед теми, кого особо отметил Бог. Так, царь и псалмопевец Давид исповедал грех прелюбодеяния и убийства пророку Нафану (см.: 2 Цар. 12:13), а первосвященник Аарон грех осуждения – пророку и боговидцу Моисею (см.: Числ. 12:11).

Сектант: Прощение грехов приходит прямо от Бога, а не через священников, ибо Сам Спаситель научил нас просить: и прости нам долги наши (Мф. 6:12). Прямо от Бога получили прощение расслабленный на одре (см.: Мк. 2:5; Лк. 5:20), грешница в доме Симона (см.: Лк. 7:48), мытарь в храме (см.: Лк. 18:13), разбойник на кресте (см.: Лк. 23:43), и ни один из них не нуждался для этого в посредничестве священников.

Священник: Примеры эти относятся ко временам, когда Спаситель еще не учредил таинства покаяния и священства. В ту пору Он пребывал на земле и потому, как Бог истинный, Сам разрешал от грехов. И мы знаем, что власть эту Он даровал апостолам лишь по воскресении из мертвых, когда запечатлел их Своим дуновением и произнес: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому отпустятся; на ком оставите, на том останутся (Ин. 20:22–23).

Неужто и теперь не видишь, что и освящающий дар Духа, и власть отпускать грехи даны были апостолам лишь тогда? И молитве «Отче наш» Господь научил апостолов, – а через них и нас, – прежде чем установил таинство покаяния. Прощение же грехов может испрашиваться у Бога не только в этом таинстве, но и во всякой молитве, особенно при обещании Ему добрых дел, что происходит и здесь, ибо после «прости нам долги наши» говорим: «как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12).

Но таинство покаяния остается для нас самым надежным и самым благоприятным путем к всецелому прощению, если только воистину сокрушаемся о грехах и от всего сердца их исповедуем. Ибо, с тех пор, как оно установлено, нет недостатка в делах, привлекающих Божию милость, каковы молитва, пост, благочестие, добротелание и множество иных.

Сектант: Никакой священник не может отпускать грехи, ибо написано: кто может прощать грехи, кроме одного Бога? (Лк. 5:21.)

Священник: Воистину один лишь Бог прощает грехи. Однако и в таинстве покаяния не священник отпускает грехи, но Бог, при посредстве священника. Бог есть источник и податель благодати, силою которой совершается и оставление грехов, священник же – лишь посредник, через которого она действует. Поэтому, приходя к исповеди, мы не от священника получаем разрешение грехов, но от Самого Бога, по Его благодати, передаваемой священником.

Духовная мудрость

Для истинного покаяния нужны не годы и не дни, а одно мгновение.

Что законоположит Господь согрешающим? Законополагает, чтобы каялись, глаголя во Святом Евангелии: «Покайтесь, если не покаетесь,… погибнете (см.: Лк. 13:3)».

...Покаяние не совершается до гроба и имеет три свойства, или части: очищение помыслов, терпение находящих скорбей и молитву, т. е. призывание Божией помощи против злых прилогов вражиих. Три эти вещи одна без другой не совершаются. Если одна часть где прерывается, то и другие две части там не тверды бывают.

Всеблагий Господь ничего от нас не требует, как только одного искреннего покаяния, и через оное вводит покаявшихся в Царствие Свое Небесное и вечное по сказанному в Евангелии: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2).

Святитель Иоанн Златоуст

Сектант: Священники – люди грешные, и невозможно, чтобы одни грешники отпускали грехи другим.

Священник: То правда, что священники, подобно всем нам, люди грешные, как и то, что отпускать чьи бы то ни было грехи не могут не только грешники, но даже праведники. Однако в таинстве покаяния, как я показал тебе, грехи кающегося отпускает не священник, а действующая через него благодать.

Благодать же дается не от людей, но от Бога как высочайший Его дар (см.: 2 Кор. 4:7), и священник – носитель его, несмотря на все свои грехи. Ибо и апостол Петр согрешил, отрекшись от Господа и Учителя, но все же получил этот дар. Получил его и апостол Иоанн, который говорит, что нет ни единого человека без греха (см.: 1 Ин. 1:8; Откр. 15:4).

А великий апостол Павел самого себя считал первым грешником (см.: 1 Тим. 1:15). Но любой священник, при всех его несовершенствах, за которые он даст ответ Богу, отмечен даром связывать и разрешать грехи (см.: Мф. 18:18; Ин. 20:21–23).

Православный: Как нужно исповедовать грехи свои?

Священник: Исповедь должна быть добровольной, то есть не вынуждаемой внешними обстоятельствами, искренней, то есть обнажающей все грехи, какие совершены нами от предыдущей исповеди. Кроме того, непременное ее условие – сокрушение сердца, плач о грехах и твердая решимость не возвращаться к ним впредь.

Простое признание в грехах, как и перечисление их без истинного покаяния и обещания исправиться, не приносит прощения, ибо сказано: если не покаетесь, все так же погибнете (Лк. 13:5). Плод же истинного покаяния – исправление жизни и непрестанное возрастание в добродетели.

Православный: Как часто следует исповедоваться?

Священник: Исповедь не привязана к временам и срокам. Мы можем прибегать к духовнику в любое время, когда чувствуем нужду сложить с себя бремя грехов и укрепиться надеждой прощения. Чем чаще мы исповедуемся, тем лучше.

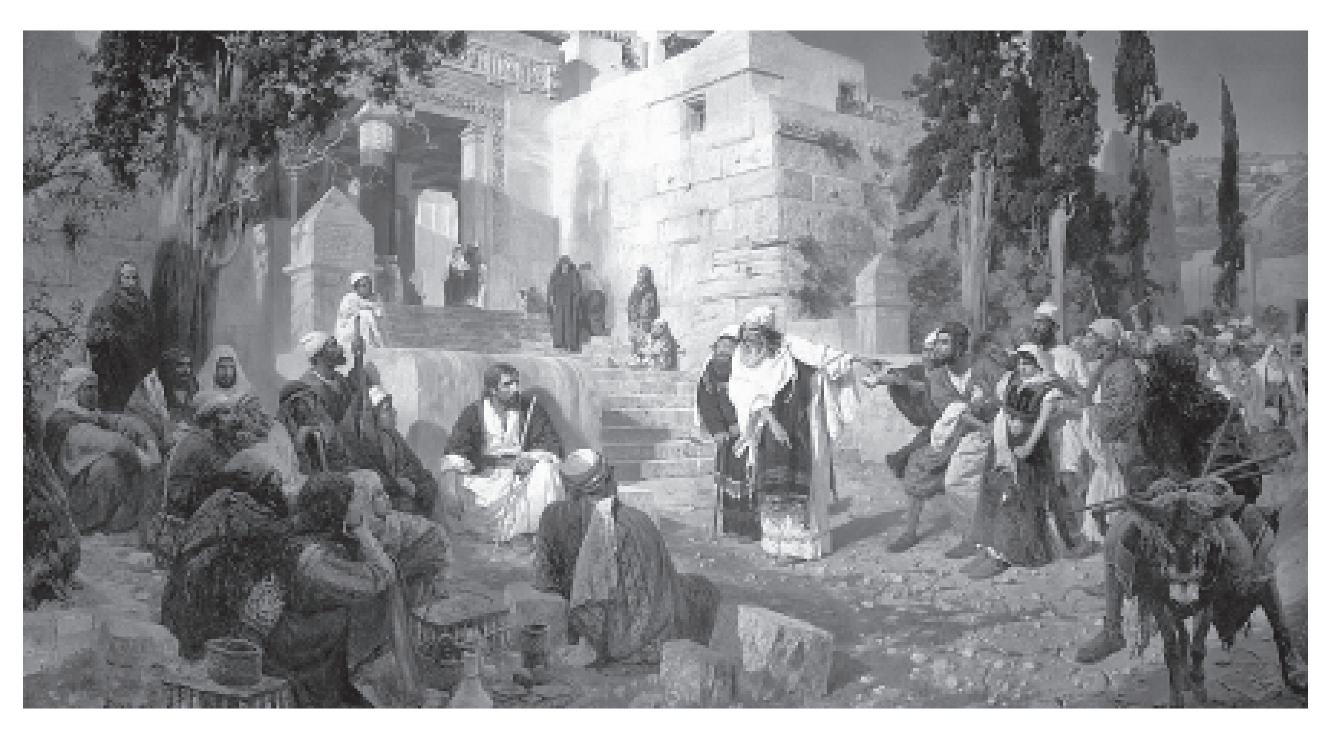
Обычно же исповедь бывает приурочена к постам. Поэтому четвертая церковная заповедь призывает нас исповедовать свои грехи четырежды в году, то есть в каждый из четырех постов: Великий, Рождественский, Успенский и Петров.

Более усердные в делах благочестия могут исповедоваться каждый месяц, а остальные – не менее одного раза в году, а именно в святую Четыредесятницу.

Архимандрит Клеопа (Илие)
pravmir.ru

О чем заботимся и на что надеемся

О фарисеях и о страхе

Один фарисей пригласил Иисуса на обед; Тот пришел. Гостеприимство – древний и строгий ритуал, хозяина и гостя связывают некоторые правила. Однако фарисей явно придерживался принципа, принятого некоторыми и поныне (бедняги не знают, что этот принцип получил уже определение как признак мелочного тирана), что существует только два мнения, «мое» и неправильное: он считал должным руководить и направлять, посему для него было неправильным, что Христос не вымыл рук. Вообще-то здесь коллизия: руки омывать действительно полагалось (в общем-то, и полагается), но осуждать гостя – как-то не очень. Святой Лука не сообщает нам, выразил ли фарисей это свое удивление вслух, просто потому, что это не так уж и важно: читатель уже знает, что для Спасителя мысли были открыты. И воспоследовала блистательная... даже не проповедь, а отповедь, посвященная фарисейству:

«Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! Не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда всё будет у вас чисто. Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей и нерадите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять. Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы – как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того».

Так что горе тем, кто блюдет внешние правила и не думает ни о душе своей, ни о людях, кто много заботится о том, чтобы ему оказывали почет и уважение. Горе? Посмотришь, так они и в наше время не перевелись; вот разве что десятину не платят. Значит ли это, что Господь изменил Свое отношение к фарисейству? – нет, не значит; это значит, что Ему дорог всякий человек и что Он всегда ожидает обращения грешников (один очень светлый и тонкой души монах разъясняет, что да, Господь берет на Себя отмщение: ведет грешника к покаянию). Значит ли это, что нам следует бдить и неуклонно изобличать фарисеев? – нет, не значит, потому что Господь уже сказал им все, что следовало сказать. Мы лучше не скажем, нам бы за собой следить...

Но тут выступил законник, сказавший Христу, что Тот заодно оскорбил и его религиозные чувства. И вновь никакой политкорректности и толерантности в ответе: «И вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоноси-

мые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них. Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы. Потому и Премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят, да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом. Ей, говорю вам, взыщется от рода сего. Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали».

А давайте подумаем, почему упрек в чрезмерной канонической строгости перерастает в горькое и страшное обличение в убийствах пророков? Не потому ли, что пророческое служение – Богу и людям, а через это и вместе с этим – и вселенской синэргии Бога и человечества, а служение канонам весьма часто сводится к служению канонам? Есть же разница – Божья истина превыше всего или устав? При этом нельзя отрицать полезность устава, и даже двоякую: он призван регулировать человеческие отношения – но потому и только потому, что призван по мере человеческого разумения его составителей отражать закономерности миропорядка, установленного Богом. Именно поэтому уставы могут и должны пересматриваться, а с пророчествами дело обстоит несколько иначе. Именно поэтому законники и пророки не могут не вступать в противоречия. Правда, законнический «метод» пресекать пророков нельзя считать ни единственно правильным, ни даже допустимым…

И такая деталь: принято считать пророков чересчур резкими, агрессивными и вообще экстремистами. А что мы видим после того, как Христос сказал Свое слово: книжники и фарисеи, как сказано, начали «сильно приступать к Нему, вынуждая у Него ответы...». Не дождались. Равно как не дождались ответа и неправедно судившие. Молчание Спасителя не менее значимо, чем Его речи.

Говорить вновь Он начал, когда собралось множество народа, и поначалу обращался к ученикам. Можно понять из слов Евангелиста, что громадная теснящаяся толпа притихла, улавливая речи Христа: «Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие. Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях». Здесь речь даже не об опрометчивых словах, которые хотелось бы взять назад, – это возможно, хотя, скорее всего, с какими-то амбициозными планами, требующими кристальной репутации, придется расстаться, потому что общество, между нами говоря, жестоко и несправедливо. Нет, Спаситель говорит об осознанной лжи, о двоедушии и двоемыслии. О двойных стандартах, говоря прямо. И даже не о том, что они душегубительны, – это-то понятно, – а о том, что разоблачение неизбежно. А в наше время, время электронных носителей информации, разоблачение, как правило, бывает довольно стремительным.

Но как же на первый взгляд неожиданно (и как на самом деле правильно!) тема лицемерия переходит к теме угрозы для жизни! А ведь если подумать, то все закономерно: отец лжи – дьявол, и от него же исходит всяческая гордыня. А гордец, даже изобличенный, покаяться не в состоянии; напротив, он способен в злобе, поистине дьявольской, убить того, кого считает потенциальным или реальным разоблачителем. И вот Христос дает Своим ученикам (а через них и нам) и народу ту основу, на которой должна строиться жизнь христианина в мире, исполненном лжи и злобы. И давайте обратим сугубое внимание на то, что Он обращается к друзьям Своим, а отнюдь не к рабам:

«Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь». Вряд ли следует понимать это как упоминание о страхе Божием, потому что Бог не убивает и в геенну не ввергает. Последнее следует понимать с осторожностью: это не значит, что никто не подлежит геенне, а только то, что человек сам обрекает себя на гибель нераскаянными грехами и преступлениями. Такие люди сами отворачиваются от Бога, и когда услышат на Страшном суде «Не знаю вас», это будет означать, что они извратили в себе образ и подобие Божие до полной неузнаваемости. Скорее речь идет о силах тьмы и их служителях, которые калечат человеческие души, доводят тех, кто им предался, до физической гибели (дьявол не вознаграждает! – это следует твердо запомнить и никогда не забывать), после чего те обречены и на духовную гибель. Эта христианская идея нашла свое отражение в русской поговорке, содержащей горестный упрек людям злобным и наглым: «греха не боятся».

Но удивительным образом эта боязнь в душах людей, верных Богу, преодолевается на-

деждой: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже многих малых птиц». Эти слова Христа напрямую опровергают часть другой пословицы: «До Бога высоко, до царя далеко». Насчет царя, даже если это царь областного масштаба, действительно далековато, да даже если до него и добраться, вряд ли от этого будет особенный толк. Но вот Бог засвидетельствовал нам Свое к нам внимание, Свою заботу даже о мелких наших делах и маленьких горестях (иногда Он учит нас не обращать на них внимания...). И Его любовь и близость проявлены самым непосредственным образом Его Воплощением, свидетельством, Крестной смертью и Воскресением. Грешно и стыдно про это забывать, в этом сомневаться или это игнорировать.

А Христос говорит о том, как нам приблизиться к спасению, к богообщению, как не стать отступниками, и приоткрывает великую таинственную жизнь Святой Троицы. Опять важная черта: именно вера в Троицу позволяет избегать страха перед людьми: «Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими; а кто отвергнется Меня перед человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими. И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святаго Духа, тому не простится. Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить». В последней фразе ключевые слова – «к начальствам и властям», а уж где они располагаются в данный исторический момент, в обкоме партии, в правлении фирмы или еще где, – дело десятое.

А теперь давайте посмотрим: сказаны слова, определяющие духовный настрой человека и жизнь в этом мире и в будущем. Хорошо бы их принять в сердце, поразмышлять, правда? Но вот первое, что приходит в голову одному из народа, – это извлечь сиюминутную практическую пользу по модели «раз уж встретился умный человек, дык...», и следует такая вот просьба: скажи брату, чтоб разделил со мной наследство. Какая-то просто куриная слепота. Минутой молчания почтим собственные воспоминания из личного опыта и из наблюдений. И подумаем: просят ли у блаженной Матроны помощи и поддержки, чтобы устоять в духовной борьбе? А о чем ее просят?..

И на по меньшей мере странный вопрос Христос ответил лаконично, но воспользовался им для очень важного поучения: «Кто поставил Меня судить или делить вас? ... смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения». И последовала одна из великих притч, подкрепленная чередой блестящих увещеваний. Речь в них, так или иначе, идет о том, что полезно для души, и сами они омывают, очищают, питают душу.

«У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю бульшие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет». На этих прекрасных словах, заставляющих задуматься о том, как же следует «богатеть в Бога», то есть стяжать то, что приближает к Нему, собственно притча завершается, следуют разъяснения ее, обильно уснащенные образами, – тоже своего рода притчами.

«Посему говорю вам – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело – одежды». Здесь, как представляется, не следует рубить эту фразу на куски; важно не потерять последовательность «не заботьтесь для души». Это не означает полного пренебрежения материальной стороной жизни; это, если позволительно так сказать, сильнейший контрдовод против так называемой «теологии процветания», которая была свойственна многим древним религиям, в том числе и верованиям ветхозаветной общины. Ныне она расцвела пышным цветом в неопятидесятнических харизматических общинах, но не чураются ее и некоторые другие христиане. Однако при этом происходит, так сказать, двойной сдвиг: для начала рассматривают материальный достаток и даже изобилие как знак милости Божией, проводя знак равенства между богатством и праведностью с одной стороны, и между бедностью и греховностью – с другой. Очень удобно для некоторых: значит, бедным можно не помогать, потому что они перед Богом провинились, и дозволительно их презирать с высоты своей благоустроенной добродетели. Ну, и больных туда же. Вот как посмотришь не в телевизор, а на людей – и увидишь, что подобные воззрения нашему обществу не чуж-

ды. Но это было бы еще полбеды; полная беда в том, что при таких убеждениях человек начинает мало-помалу «подыгрывать» Богу, изо всех сил добиваясь благосостояния, чтобы затем гордо утверждать, что не своими усилиями он стяжал все, что у него есть, а получил по милости Божией. Иногда это заходит довольно далеко; так, найдя кошелек (или получив крупную сумму для оговоренного ее употребления в пользу людей), такой благочестивец объясняет, что просто-таки обязан это присвоить, поскольку Бог дал, а пренебрегать Божиим даром нельзя. И от подобных заблуждений Христос нас предостерегает, хотя и в довольно мягкой форме: Он не призывает не есть и не одеваться, а только разъясняет, что человек, его душа и тело, важнее имущества.

Но речь идет не только о шкале ценностей, но и о тщетных усилиях, направляемых туда, где человек бессилен: «Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хоть на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?». Человеческие желания, коль скоро они не согласуются с Божественной волей, либо невыполнимы, либо их выполнение счастья не приносит, а от пути праведности отвращает. Пожалуй, я не знаю исключений из этого правила.

Теперь – одна из прекраснейших притч Евангелия: притча о лилиях. Есть такая идея, сухая, как сублимированный продукт, что в Евангелии нельзя видеть литературу. На вопрос «почему?» следует град обвинений в безбожничестве. Но лучшая из неформальных характеристик Благой Вести, которую я слышала – «книга, всколыхнувшая народы». Так вот, образ лилии, благоговейно воспринятый во всей его красоте, отпечатывается в душе навсегда, живет в ней, развивается и цветет всегда. «Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры!». Чувствуете, как ошеломителен этот переход от цветка к Соломону и сразу же – к душевному настрою слушателя?

Притчи о поле, о воронах и о лилиях дают прочное основание для убеждения, произнесенного с силой. Для начала произнесено слово «маловеры», называющее основную причину страхов и тревог. Вот что Спаситель говорит в связи со страхами: «Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам. Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Наблюдаются две полярные тенденции в понимании этих слов, которые условно можно назвать буквалистской и абстрактной. Сторонники первой считают, что ради пропитания не следует и пальцем шевелить (очень часто это шевеление просто-напросто предоставляется другим членам семьи), и всю высвобождающуюся таким образом энергию направляют на обличения, поучения и разоблачения. Стоит только, например, купить красивый платок, испечь пирог или – о ужас! – поменять обои в квартире, как вас сразу припечатают словами о сокровище и сердце. Как будто этим пуристам о вашем сердце досконально известно все то, что знает только Господь Бог, и к тому же они обладают безупречным инструментом для измерения вашей вовлеченности в обыденные дела. Но вот почему-то не исходит от них благой уверенности в том, что они унаследовали Царство и могут не бояться и не тревожиться…

Сторонники абстрактного понимания склонны трактовать эти слова в том смысле, что все, чего они хотят, нужно им не для чего другого как только для приуготовления души к молитвенным подвигам: вот если не ездить трижды в год на океанские курорты и не менять каждый год машину на «самую-самую» модель, то душа омрачается и воспарить ну никак не может. В общем-то это даже не смешно, поскольку известно, что жажда такого рода неутолима и ничто не в состоянии погасить мрачный пламень, разгорающийся в душе.

А между тем как ясно все сказал Господь! Не будьте маловерами, не бойтесь бедности, не привязывайтесь к своей собственности, помогайте людям – и тем самым умножится ваше богатство в Боге. Освободите сердце от страха и жадности и устремите его к стяжанию духовного богатства, которое останется с вами и в вечности.

Так что мешает понять эту ясность, последовать этой простоте? – именно то, с преодоления чего только и возможно начинать духовное восхождение: маловерие и страх…

Марина Журинская
foma.ru

Четыре мифа о прощении

Как учиться прощать, какие ошибки мы делаем, пытаясь простить – рассказывает психолог Ольга Красникова.

Когда прощать? И все ли можно простить?

Этот вопрос у нас всегда звучит на семинарах, и ответ на него однозначный: простить можно все. Но сразу всплывают мифы о прощении, которые существуют в нашей жизни.

Мифы № 1: простить значит забыть

Некоторые люди (это один из мифов) считают, что простить – это значит признать, что «ничего не было» – «замнем для ясности». Ничего страшного не случилось, ничего человек не сделал.

А если действительно сделал? Мы как бы его и оправдываем, и обеляем, и черное называем белым. Но это к прощению не имеет никакого отношения. Потому что простить – это не значит «отпустить грехи», это не значит обесценить поступок.

Прощение не несет в себе обесценивание того вреда, того зла, которое человек нам причинил. И прощаем мы человека, личность. Вспомните, что есть высказывание: «любить грешника, но ненавидеть грех». Здесь это высказывание как раз очень уместно.

Мы не должны в угоду человеку или для сохранения отношений отказываться от обличения каких-то пороков или грехов, проступков и злонамеренных действий. Поэтому здесь очень важно отделять прощение от обличения. Причем, в обличении необходимо назвать вещи своими именами. Если это не только мое субъективное ощущение, а действительно объективная ситуация, очевидная ситуация, что человек предал или обманул, или сильно подвел.

Миф № 2: «не прощу, пока не извинишься»

Еще один миф: простить можно только, если человек сам просит прощения. Ничего подобного. Мы прощаем не для человека, мы прощаем для себя.

Что такое обида? Это я ношу зло на другого человека в себе. И это зло как напряжение буквально физически где-то внутри меня живет. Вопрос, «где – в сердце или в голове?» – вопрос риторический, но главное, что это зло я в себе ношу.

Прощение не зависит от того, признает ли другой человек, что то, что он сделал – зло, и что это зло сделал он, хочет ли он, чтобы я его простила, а зависит от того, хочу ли я дальше носить зло на другого человека. Причем, не его зло, а мое зло – то, что я на него злюсь, то, что я его осуждаю, то, что я его не принимаю.

А для сердца, для души зло на другого человека – это очень тяжелый груз. Когда человек не прощает, в этом есть элемент саморазрушения.

Люди хранят свои обиды десятилетиями, думая, что они этим самым наказывают того, кто им причинил вред, но в первую очередь они наказывают себя.

Миф № 3: прощают слабаки

Какие еще есть мифы? Что прощение – это слабость. Если простишь – будешь как тряпка. Но на самом деле прощение требует очень большого мужества и внутренней силы. Ведь мы должны сделать внутреннее усилие для того, чтобы отделить ту боль, которую мы испытали от отношения к человеку.

То есть боль – она может остаться, поэтому не всегда бывает возможно, простив человека, забыть то, что он сделал. Болезненный след может оставаться всю жизнь, но это не значит, что человек не простил.

Мы не вспоминаем тот гвоздь, на который мы напоролись в детстве, но шрам у нас остается на всю жизнь. Мы не злимся, не осуждаем, мы уже давно простили, но след от этой травмы может остаться и иногда напоминать о себе.

Нужно иметь в виду, что не всегда прощение означает прекращение боли. И если человек, еще вспоминая о случившемся, испытывает какую-то боль, это не значит, что он не простил.

Прощение как решение – «решил и про-

стил» – невозможно. Без чувств, без какой-то внутренней эмоциональной работы никакого прощения не будет.

Миф № 4: само пройдет

Точно так же и обратное – «когда внутри чувства уйдут, оно как-то само простится, без моей воли» – тоже неправда. Само не прощается.

Прощение – это сочетание и воли, и чувств. Я принимаю решение, и дальше я эмоционально это решение тоже каким-то образом осуществляю. Исходя из этого прощение – это не акт, что вот так «раз и все», «отрубил», а процесс. И для некоторых ситуаций это процесс длительный, который зависит от степени травм, разрушений, которые со мной случились.

Мне очень нравится выражение, что прощение – это односторонняя ответственность и односторонняя открытость. Прощение не ожидает взаимности (в идеале). И прощение не означает автоматически примирения: если я человека простила, то я с ним и дальше буду прекрасно общаться. Человек может совершить по отношению ко мне такой поступок, который делает дальнейшее общение с ним невозможным.

То есть, если я простила, это не значит, что я дальше с ним буду дружить как прежде, что в наших отношениях ничего не изменится. Иногда меняется, и меняется кардинально.

Прощение как дар

Прощение – это мой свободный подарок другому. Я ему это дарю без ожидания чего-то взамен. А чего мы ожидаем?

Мы ожидаем, что он изменится, исправится, осознает свои ошибки, раскается. Нет – не обязан, не должен. Может. Мы своим прощением ему как бы немножко помогаем, принимая его таким, какой он есть. Но это не гарантия.

Прощение – одновременно и щедрость, и риск.

Щедрость – потому что это действительно такой акт души, а риск – потому что не знаешь, где ты в результате окажешься. Результат моего прощения – он неизвестен ни для меня, ни для другого человека.

Выгоды обиды

Поэтому, когда мы говорим про обиду, очень важно помнить, что суть обиды – неоправданные ожидания. И первое, что мы делаем, когда чувствуем внутри себя обиду, – это задаем себе вопрос: насколько мои ожидания адекватны?

Если ожидания адекватны – мы проясняем отношения. Если ожидания неадекватны – вопрос обиды снимается. И выражение, что «на обиженных воду возят», правильно только в том случае, если обида становится не столько эмоциональной реакцией (перестает выполнять сигнальную функцию), а становится образом жизни, способом выстраивания отношений – таким манипулятивным средством, с помощью которого человек строит свои взаимоотношения с окружающими.

Выгод у обиды очень много. Быть обиженным, быть жертвой – это сразу «нимб» над головой, «крылья» за спиной расправляются. Это самоутверждение на фоне «плохих», «ужасных» «других», которые такие злые, такие нехорошие, бесчувственные.

Проводилось интересное социологическое исследование, когда людей спрашивали: «Что бы вы хотели изменить в окружающих?» Большинство говорили: чтобы окружающие были более терпимыми, доброжелательными, чувствительными, понимающими. «А какие качества вы в себе хотели бы побольше развить?» Ну, конечно, уверенность, целеустремленность, настойчивость, силу – совершенно другие, противоположные качества.

В обиде человек часто пользуется другими как объектом самоутверждения. И это уже такой способ выстраивания отношений.

Что делать с обидами

– Как понять, что ты искренне простил?

– Чтобы понять, что ты простил искренне, важно внутри себя иметь какие-то внутренние критерии. Причем, эти критерии у каждого человека свои.

Внутренний критерий – ощущение, что я не держу зла. У кого-то это будет ощущение легкости и свободы, в отличие от напряжения, тяжести и каких-то неприятных чувств, а для кого-то это будет возможность спокойно думать или разговаривать с обидчиком, когда не возникает внутри неприятного осадка или каких-то искажений восприятия.

Для кого-то искреннее прощение – это прекращение бесконечного диалога в голове, когда человек доказывает, оправдывает, обвиняет, объясняет, осуждает и до бесконечности мысленно в голове этот диалог прокручивает. И если вдруг он закончился, и в голове тишина, то, возможно, это говорит о том, что человек искренне простил.

Очень важно каждому человеку для себя выяснить – а как я могу понять внутри себя, что я действительно простил искренне? Здесь не может быть внешнего критерия, и другой человек не может подсказать или помочь найти этот критерий. Это можно выяснить путем самонаблюдения и внимательного отношения к своему внутреннему миру. Других путей нет.

– Можно ли терпеть хамство, например, в магазине, на почте?

– Если говорить о наших реакциях на хамство, с

которым мы можем столкнуться в общественном транспорте, в магазине и в каких-то других местах, то здесь речь идет, скорее, не об обиде. Потому что обида в большей степени относится к личным отношениям, эмоциональным связям. А в транспорте и магазине ситуация обезличенная, там оскорбление может быть не лично ко мне направлено, но ко мне как к члену общества, как к пассажиру или покупателю. Поэтому там, скорее, будет не обида, а реакция раздражения, неприятия.

Совершенно нормально испытывать негативные реакции, когда мы сталкиваемся с несправедливостью или хулиганством, хамством. И здесь важно, что мы дальше делаем. Если мы начинаем в ответ хамить, то это, конечно, недопустимо. Или мы молчим, потому что силы неравны, и боимся. Может такое быть, потому что иногда риск слишком велик, риск буквально физической угрозы, что человек может ударить или продолжить какие-то оскорбления – и здесь, возможно, «на рожон лезть» не стоит. Героизм, конечно, приветствуется, но не во всех ситуациях.

Лучше всего в ситуации оскорбления или публичного насилия обратиться к кому-то за помощью, если мы сами не можем справиться. В магазине попросить пригласить менеджера или потребовать жалобную книгу. Не оставлять безнаказанным.

Почему? Потому что, давая обратную связь другому человеку на его поступок, мы ему помогаем. Можно, конечно, бояться, что мы его обидим, или что он расстроится. Но не давая обратной связи, мы оставляем его в поле безнаказанности. Он чувствует, что он может и дальше продолжать так себя вести, и это вводит его в соблазн. Не встречая отпора своему негативному поведению, он начинает думать, что это нормально.

Бывает, что люди не считают свое поведение хамским.

Я часто привожу такой пример на лекциях. Я ехала в электричке, и рядом со мной муж с женой разговаривали друг с другом, используя нецензурные слова. Они так общаются. Они не ругались, просто у них такой разговор. Рядом сидели я и две молодые девушки. И слушать это было ужасно, поэтому, когда я поняла, что если сейчас что-то не сделаю, мне придется выслушивать это в течение всей поездки, я напомнила им, что они в общественном месте, и что не стоит так выражаться. Они совершенно искренне удивились и сказали: да, да, извините. Выяснилось, что они знают нормальные слова. Просто они как-то не подумали, что они не у себя дома.

Я сейчас не хочу обсуждать моральный облик этих людей или способ их общения, но важно показать, что иногда люди не осознают, что нарушают правила. И тогда, действительно, можно им напомнить, указать на это без какой-то агрессии, злости, раздражения, а просто попросить.

Да, не всегда это помогает. Можно в ответ услышать что-нибудь неприятное. Но обличение греха – нас к этому призывают. Это же призыв ко всем христианам православным. Не оставлять это без внимания, потому что действительно человек может не знать, не замечать.

– Нужно ли говорить о своей обиде другому, или это личное дело каждого?

– Когда нас обижают, перед нами встает вопрос: сказать другому или не сказать. Это зависит от ситуации, потому что за свои чувства мы несем ответственности сами. И другой человек может ненамеренно сделать нам больно. Поэтому обвинять его в том, что он нас обидел, не всегда возможно.

Дальше вопрос: насколько у нас отношения с этим человеком близкие, и насколько я собираюсь с ним дальше общаться? От этого зависит, давать ли мне ему обратную связь на его поступок, на его слова, на его действия или нет. Если я хочу с человеком общаться дальше, то хорошо бы, чтобы он знал, в каких случаях мне бывает больно, какие слова меня могут задеть, какие действия я не принимаю.

Конечно, в форме «Я-сообщения»: «я хочу сказать, что, когда люди так делают, мне неприятно (или мне больно, мне плохо, мне это не нравится)».

Что делать, если это касается серьезных вещей, прежде всего, здоровья? Простой пример. Человек, не спрашивая разрешения, начинает курить. А у меня голова от табачного дыма болит. Он не хотел меня обидеть. Мне сидеть, терпеть, нюхать табачный дым и потом мучиться от головной боли, или мне ему сказать: ты знаешь, у меня от табака болит голова, поэтому, пожалуйста, при мне не кури?

Вот эта обратная связь не несет осуждения человеку, она просто говорит о том, что мне это не нравится, меня это не устраивает. Я не говорю, что я обиделась.

Поэтому в данном случае, конечно, можно говорить о своих чувствах, можно говорить о своих реакциях, но помнить, что иногда наши эмоциональные реакции бывают неадекватны ситуации. Эта неадекватность может быть вызвана нашей усталостью. Не выспались, плохо себя чувствуем, просто повышена чувствительность в данный конкретный момент, и на обычные действия мы можем отреагировать: ну как так можно, что это такое?! Но это не значит, что человек что-то плохое сделал.

– Как реагировать, когда тебя намеренно обижают?

– Если я знаю, что человек меня обидел специально, тогда у меня начинаются сомнения в наших отношениях. Потому что, если человек хочет сде-

лать мне больно и делает мне больно специально, тогда что это за отношения у нас такие?

Или, может быть, я спровоцировала? Тоже размышление.

Но даже, если я спровоцировала – это не повод отвечать мне «злом на зло», можно всегда как-то по-другому решить такие вопросы. Я невольно сделала человеку больно, он мне ответил. Но не обязательно же умножать зло, можно же прояснить и прекратить зло.

В любом случае, если речь идет не о родственных, а о дружеских отношениях, тогда встает вопрос о дистанции, о доверии и иногда вопрос о прекращении этих отношений. Зачем мне общаться с человеком, который намеренно мне делает больно? Если я, конечно, не мазохист.

С родственными отношениями все сложнее.

– Как вести себя с обидчивым человеком? Нужно ли постоянно осторожничать, угождать ему или прямо говорить о своем мнении?

– Часто, сталкиваясь с обидчивыми людьми, мы начинаем лицемерить, заниматься человекоугодием и думать, что это проявление нашей добродетели, что мы таким образом о нем заботимся: угождая и обслуживая его обидчивость, мы делаем для него доброе дело. Но это не так.

Лицемерие и человекоугодие не могут быть добродетелями, какими бы мотивами они ни были вызваны, точно так же, как наша «терпеливость».

Чем отличается такая «терпеливость» от терпимости? Терпеливость – это когда я внутри все свои чувства зажала. Причем, чувства какие? Недовольство, мягко говоря, несогласие, неприятие, иногда даже ненависть. А снаружи я киваю, я улыбаюсь, соглашаюсь, я не говорю ничего против. Но это не имеет никакого отношения к добродетели терпимости. Потому что терпимость – это внутреннее принятие без возмущения, гнева и осуждения другого человека.

Часто результат терпеливости – это сплетни. Потому что здесь я вытерпела, выдержала, «не показала вида», но потом я иду в то место, где я чувствую себя в большей безопасности, и там я уже все выскажу, что я думаю по поводу поведения другого человека. Поэтому подобное угодничество к добру не приводит.

Важно помнить, что ответственность за чувства лежит на самом человеке. Я не могу обидеть, и меня не могут обидеть. Я могу обидеться. Это мой выбор, как я реагирую и как долго, и что я потом с этой обидой делаю. Либо я размышляю и предпринимаю какие-то действия, либо я ее холю, лелею.

Но мы уже говорили о том, что обида может быть прекрасным способом манипулирования и самоутверждения. Поэтому потакать этому нет никакого смысла.

Рано или поздно человек может узнать, что, оказывается, мы с ним не согласны, и что мы все время его терпели. От кого он узнает? Да от нас же. Терпеливость закончится, и мы ему выскажем все то, что все эти долгие годы мы копили. И для него это будет страшным ударом и разочарованием. То есть мы терпим ради сохранения отношений, а на самом деле отношения, построенные на лицемерии, постепенно разрушаются.

pravmir.ru

Духовная мудрость

…любя друг друга, надо терпеть друга друга и оставлять, прощать другим их погрешности против нас, чтобы и Отец наш небесный простил нам согрешения наши [Мф. 6, 14].

Ближний - равноправное мне существо, тот же человек, что я, тот же образ Божий; и как он то же, что я, то и любить его надо мне, как я сам себя люблю. Возлюбити искренняго твоего яко сам себе [Мф. 22, 39], - надо наблюдать его, как свою плоть и кровь: обращаться с любовью, кротко, ласково, прощая погрешности его, как себе охотно прощаю, как сам жажду от других прощения или снисхождения моим немощам, т.е. чтобы и не замечали их, как бы их не было, или заметили ласково, кротко, любезно, доброжелательно.

Ближнего надо еще более любить тогда, когда он согрешает против Бога или против нас, ибо он тогда болен, тогда он в беде душевной, в опасности, тогда-то и надо помилосердствовать и помолиться о нем и приложить к его сердцу целительный пластырь - слово ласки, вразумления, обличения, утешения, прощения, любви.

Часто мы озлобляемся на людей прямодушных и открытых за то, что они прямо обличают наши неправды. Такими людьми надо дорожить и прощать им, если они смелою речью обрывают наше самолюбие. Это врачи, в нравственном смысле, которые острым словом обрезывают гнилости сердечные и, чрез пробуждение нашего самолюбия, производят в душе, омертвевшей грехом, сознание греха и жизненную реакцию.

Св. прав. Иоанн Кронштадский

Зависть

Из наследия Оптинских старцев

Зависть относится к одной из самых тяжелых страстей, она нарушает мир душевный и сопровождается бурей навязчивых злых помыслов.

Завистливому угодить никак нельзя

Сравнивая зависть с другими страстями, преподобный Амвросий вспоминал притчу о сребролюбце и завистливом человеке:

«Один греческий царь пожелал узнать, кто из двух хуже – сребролюбец или завистливый, потому что оба не желают другим добра. С этой целью повелел позвать к себе сребролюбца и завистливого и говорит им:

– Просите у меня каждый из вас, что ему угодно. Только знайте, что второй вдвое получит, что попросит первый.

Сребролюбец и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы после получить вдвое. Наконец царь сказал завистливому, чтобы он просил первый. Завистливый, будучи объят недоброжелательством к ближним, вместо получения обратился к злоумышлению и говорит царю:

– Государь! Прикажи мне выколоть глаз.

Удивленный царь спросил, для чего он изъявил такое желание. Завистливый отвечал:

– Для того, чтобы ты, государь, приказал товарищу моему выколоть оба глаза.

Вот насколько страсть зависти зловредна и душевредна, но еще и зложелательна. Завистливый готов подвергнуть себя вреду, лишь бы только вдвое повредить ближнему».

Старец пояснял, что все страсти душевредны, но в других страстях человека можно чем-то успокоить, а зависть ничем не утоляется:

«Гордого можно почтить! Тщеславного – похвалить! Сребролюбивому – что-нибудь дать… и т.д. Завистливому же человеку угодить уж никак нельзя. Чем больше ему угождают, тем больше он завидует и мучается».

> «Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутной печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастием, а оказываемое другим предпочтение считает для себя несправедливою обидой».
>
> *Преподобный Амвросий*

Первые признаки зависти – неуместная ревность и соперничество

Преподобный Амвросий учил замечать первые признаки зависти, которые проявляются в неуместной ревности и соперничестве:

«Зависть вначале обнаруживается неуместною ревностию и соперничеством, а затем рвением с досадою и порицанием того, кому завидуем».

Причина зависти

На вопрос духовного чада, в чем причина зависти и ревности, преподобный Макарий отвечал следующим образом:

«Спрашиваешь: откуда в тебе такое ненавистное чувство, когда слышишь похвалу другим, и как от того избавиться? Что наводит это смущение, то уже и есть страсть, лежащая в тебе, высокоумия… А когда будешь себя укорять и смирять, то исцелишься. Конечно, причина искушению оному – гордость, ибо от ней ревность и зависть происходят».

Как бороться с завистью

Преподобный Макарий учил бороться с помыслами зависти в самом начале, когда это еще прилоги, учил подавлять эти прилоги, пока они еще «вавилонские младенцы»: «Бога ради, не допускай сему Каинову семени возрастать в тебе, но подавляй малые ростки его, убивай “младенцы вавилонские”, пока они еще младенцы. От прилога низлагай оные самоукорением и смирением».

Преподобный Амвросий также наставлял замечать в своем сердце малейшие начальные признаки зависти и бороться с ней молитвой, смиренной исповедью и благоразумным молчанием:

«Она, как и все другие страсти, имеет разные размеры и степени, и потому должно стараться подавлять ее и истреблять при первом ощущении, молясь Всесильному Сердцеведцу Богу псаломскими словами: “От тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади рабу Твою (или раба Твоего)” (Пс. 18: 13–14).

Также со смирением должно исповедовать немощь эту пред духовным отцом.

А третье средство – всячески стараться не говорить чего-либо противного о том человеке, которому завидуем. Употребляя эти средства, мы можем с помощью Божией, хотя не скоро, исцелиться от завистливой немощи».

Преподобный Никон также советовал молиться о тех, к кому испытываешь неприязненные чувства:

«Когда чувствуешь к кому-либо нерасположение, или злобу, или раздражение, то нужно молиться за тех людей, независимо от того, виноваты они или не виноваты. Молись в простоте сердца, как советуют святые отцы: “Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего (имя) и ради его святых молитв помоги мне, грешной!” От такой молитвы умиротворяется сердце, хотя иногда не сразу».

> Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. Плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к зависти, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Ныне зависть не считается и пороком, почему и не заботятся об избавлении от нее.
>
> *Святитель Иоанн Златоуст*

Заставлять себя делать добро

Преподобный Амвросий советовал:

«Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим, а главное – не мстить им и быть осторожным, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и уничижения».

Молиться о тех, кому завидуешь, и о тех, кто завидует тебе

Преподобный Иосиф учил молиться не только о тех, кому завидуешь, но и о тех, кто завидует тебе:

«Кому завидуешь, за того Богу молись».

«Молись о завидующей и старайся не раздражать ее».

Как можно извлекать духовную пользу из помыслов зависти

Преподобный Амвросий подсказывал, каким образом можно извлечь духовную пользу из помыслов зависти, обратив завистливые помыслы в помыслы смирения:

«Пишете вы, что, видя себя хуже других, склоняетесь на зависть. Обратите это чувство к другой стороне – и получите пользу. Видеть себя хуже других служит началом смирения, если только человек будет укорять себя за примесь противных чувств и мыслей и постарается отвергать эту душевредную примесь. Если же дадите место в душе вашей водвориться смирению, то по мере оного и будете получать успокоение от различных тягот душевных.

Также нечего завидовать и обеспеченным во внешнем отношении. Пример у вас пред глазами, что и имеющие богатое состояние не пользуются миром душевным. Для сего требуется не внешнее обеспечение, а упование твердое на Бога. Если бы вам полезно было это обеспечение, то Господь послал бы вам и богатство. Но, видно, вам это не полезно».

Быть готовым к возвращению страсти

Преподобный Макарий напоминал: иногда нам кажется, будто мы победили какую-то страсть, но при подходящем случае выясняется, что она вернулась в прежнем обличье. Старец советовал не смущаться этим, а быть к такому обороту готовым и, познавая свою немощь, смиряться:

«О твоей страсти [зависти] ты думала, что уже свободна от нее, но после показалось при открывшемся случае, что нет. О чем нельзя удивляться, а готовой быть надобно к сопротивлению страсти и, познавая свою немощь, смирять себя. Когда смирение и любовь воцарятся, то и страсти исчезнут».

Молитвами святых отец наших, преподобных старцев Оптинских, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Ольга Рожнёва
pravoslavie.ru

Ожесточение

Отчего сердце человеческое ожесточается? Ответ кажется простым и очевидным: от перенесенных страданий и тягот, от нужды, от непосильного горя… А если еще точнее – от людской злобы и бесчувствия, на которые человек просто вынужден был научиться отвечать тем же. Вроде бы все тут логично и правильно. Но – лишь на первый взгляд.

При более серьезном рассуждении эта простая схема не выдерживает никакой критики. Уже хотя бы потому, что огромное множество людей сумели не ожесточиться и сохранить способность к любви и милосердию в самых чудовищных условиях – на войне, в концлагерях, в палатах для неизлечимо больных. И напротив – вполне благополучные, ни в чем не нуждающиеся и ничем не стесненные люди могут вести себя так, будто у них вместо сердца – камень. А самое главное, если принять мысль о том, что ожесточение человека – результат воздействия на него извне, то с неизбежностью нужно будет признать, что человек несвободен в своем выборе между милосердием и черствостью, что выбор этот целиком зависит от обстоятельств его жизни, а добрым и отзывчивым способен быть только тот, кому судьба всю дорогу выдавала одни лишь медовые пряники. Однако практика убедительно доказывает, что в реальной жизни все обстоит ровно наоборот: как раз люди, хлебнувшие в жизни лиха, куда чаще бывают способны к состраданию и участию в чужой беде. И потом, все мы хорошо знаем, что именно в преодолении трагических обстоятельств выявляют себя самые лучшие, самые благородные и возвышенные человеческие качества. Самоотверженность, героизм, жертвенность в принципе невозможны там, где все хорошо и где нет человеческого горя и страданий.

Таким образом, очевидно, что тяготы жизни – лишь одно из возможных условий ожесточения сердца человека, но никак не его причина. Это только собака, как известно из детской песенки, бывает кусачей от жизни собачьей. Ну, так на то она и собака, у нее нет этических критериев и свободы нравственного выбора. Человека определять по этой же линейке можно лишь в том случае, если хочешь его унизить и приравнять к животному.

Ледниковый период

Но откуда же тогда берется столько ожесточения в людях? За примерами далеко ходить нет нужды: каждый из нас на собственном опыте хорошо знает, как может душа заледенеть настолько, что достучаться до нее не могут даже самые наши родные и близкие люди.

И ведь большей частью никаких особо страшных бед при этом в нашей жизни не происходит. Повод к началу такого «ледникового периода в сердце» может быть настолько ничтожным, что мы даже не всегда способны его отследить. Просто в определенный момент вдруг констатируешь, что живешь словно бы в какой-то капсуле, отделяющей тебя от всего остального мира, и любая попытка пробиться к тебе извне не вызывает в твоем сердце ничего, кроме раздражения и неприязни. Собственно, само слово «ожесточить» буквально и означает – сделать жестким, твердым, неспособным воспринимать какое-либо воздействие извне. Не случайно ведь противоположное жестокосердию качество человека принято обозначать в тех же категориях, но с обратным знаком – «мягкосердечный». То есть способный к перемене своего сердца, сохранивший эмоциональную пластичность.

Как же происходит в человеке потеря такой драгоценной способности?

В христианстве, безусловно, есть ответ на этот важный для

каждого человека вопрос. Но для того чтобы правильно его понять, необходимо сделать небольшой экскурс в текст Священного Писания.

Казни египетские

Есть в Библии место, которое можно рассматривать как некий универсальный ключ к пониманию человеческого жестокосердия во всех его многообразных проявлениях. Это история с фараоном, к которому Бог отправляет пророка Моисея вызволять еврейский народ из рабства, и говорит ему при этом странные слова: «…когда пойдешь и возвратишься в Египет, смотри, все чудеса, которые Я поручил тебе, сделай пред лицем фараона, а Я ожесточу сердце его, и он не отпустит народа» (Исх 4:21). Далее на Египет обрушивается целая череда бедствий, известных под названием «казни египетские». В результате испуганный фараон сначала все-таки отпускает евреев домой, заплатив им за годы рабства очень богатую компенсацию. Но потом меняет свое решение, отправляется за ними в погоню, и в результате – гибнет в море со всем своим войском.

В приведенных выше словах Бога можно увидеть вопиющую несправедливость. Еще бы: Сам ведь ожесточил фараону сердце, а потом стал его же наказывать, и, в конце концов, погубил? Не удивительно, что именно это место Библии оказалось оселком, на котором оттачивали свое остроумие сначала советские, а за ними – и сегодняшние пропагандисты атеизма. Однако поспешные выводы во все времена были свидетельством не очень глубокого ума. И раз уж речь идет о реплике из Библии, наверное, есть прямой резон ознакомиться с толкованием, которое дает на нее Церковь.

Грязь и солнце

Слова «ожесточу сердце», казалось бы, говорят о каком-то насильственном действии со стороны Бога, которое лишает фараона свободного волеизъявления. Но сама логика библейского повествования прямо говорит об обратном. На это обращает внимание преподобный Ефрем Сирин: «Если Бог ожесточает сердце, то в сердце, которое ожесточает Бог, не могут происходить перемены. Если же фараон, терпя наказание, говорит: «Отпущу», а по миновании казни удерживает и не отпускает евреев, то значит, что ожесточение сердца его было не от Бога, но от внутреннего расположения, по которому во время наказания готов он соблюдать заповедь, а как скоро получает облегчение – попирает законы…». Собственно, так оно все и происходило: далее в Библии прямо говорится: «…И увидел фараон, что сделалось облегчение, и ожесточил сердце свое и не послушал их, как и говорил Господь» (Исх 8:15).

Фараон сам ожесточил свое сердце, и никто его к этому не принуждал, а уж тем более этого не делал Бог. Но, тем не менее, очевидно, что Бог как-то участвовал в этом, иначе не было бы смысла в словах «Я ожесточу». Вот только характер этого участия был совершенно иным, нежели может показаться при поверхностном прочтении библейского текста.

Святитель Феофилакт Болгарский пишет о причинах ожесточения сердца фараона так: «Что же значит – Бог ожесточает? Казалось бы, это нелепо. Но о Боге говорится, что Он сделал жестоким грязное сердце фараона, подобно тому как солнце делает жесткой грязь. Каким же образом? Долготерпением, ибо Он делал его жестоким, являя к нему долготерпение. Здесь случилось подобное тому, что бывает, когда кто, имея у себя порочного слугу, обращается с ним человеколюбиво. Чем человеколюбивее обращается с ним, тем худшим делает его, не потому, будто сам научает его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпением его к увеличению своей порочности, потому что пренебрегает этим долготерпением».

То же самое говорит и святитель Феофан Затворник, распространяя этот принцип с библейской ситуации на все случаи человеческого ожесточения вообще: «Слово ожесточает не так следует понимать, что Бог силою Своею производил ожесточение в сердце непокорных, подобно фараону, а так, что непокорные нравом, под действием милостей Божиих, сами, по своему злонравию, не умягчаются, а более и более ожесточаются в своем упорстве и непокоривости».

Бог и совесть

Итак, слова об ожесточении Богом сердца фараона – не более чем фигура речи. Подобным образом в известной лирической песенке говорится: «Ах, эта девушка меня с ума свела, Разбила сердце мне, покой взяла». Хотя очевидно, что с ума тут сводит себя сам пылкий поклонник, а упомянутая девушка может быть вообще не в курсе его когнитивных и эмоциональных проблем.

Фараон сам ожесточил свое сердце. И в этом факте можно увидеть тот самый, упомянутый выше ключ к пониманию причин людского жестокосердия. Оказывается, твердым, словно засохшая на солнцепеке грязь, наше сердце становится в ситуации, когда нам открывается Бог. И совсем необязательно это должно происходить через великие и страшные чудеса, подобные тем, через которые Бог являл Себя фараону. В нашей повседневной жизни все обстоит куда проще, но тем самым и куда трагичнее для нас – мы ожесточаемся, когда

нам открывается истина. Ведь, если определять совсем просто, истина – то, что есть на самом деле, в противоположность обману или заблуждению. И когда человек вдруг начинает видеть себя именно так – без иллюзий и самообмана, – это может оказаться для него очень тяжелым испытанием, даже без какихлибо знамений или чудес свыше. Ведь так непросто бывает осознать, что ты, мягко говоря, неправ в своих мыслях, словах или поступках, даже когда эта неправота для тебя самого очевидна.

И тогда возможны два варианта реакции на открывшуюся картину своей жизни. Первый – это покаяние, признание своей ошибки, желание исправиться. Второй – глухая защита от увиденного, жесткий блок, отторжение. Но… отторжение чего? Того, что есть на самом деле, то есть истины! Так человек закупоривает себя в некий духовный панцирь, отделяющий его от реального мира, так ожесточается человеческое сердце.

Однако каким же образом во всем этом участвует Бог, и почему это болезненное осознание своей неправоты следует считать встречей с Ним? Дело в том, что у каждого человека есть удивительное свойство, позволяющее нам безошибочно определять нравственное содержание наших действий. Это – совесть, которую преподобный авва Дорофей прямо называет божественным светом в нашей душе: «Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе, и что злое: сие называется совестью, а она есть естественный закон». Поэтому действие нашей совести с достаточным основанием можно считать действием Бога: ведь не случайно каждый из нас на опыте знает, как совесть может вступать в конфликт с нашими планами, оценками, решениями. Очевидно, что в природе человека она как бы «не совсем наша», и по отношению к личности человека парадоксальным образом является неким ее оппонентом. Эта искра божественного, присущая нашей душе, и высвечивает перед нами ту неправду, которую мы совершаем или даже еще только собираемся совершить. Кроме того, в христианстве дистанция между этикой в отношениях с Богом и этикой межчеловеческих отношений практически сведена к нулю словами Христа: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). И когда мы не желаем признать очевидной своей неправоты перед любым человеком, это означает не что иное, как ожесточение нашего сердца перед Самим Христом.

Воск и глина

Ну и, наконец, еще один аргумент. В Евангелии Господь прямо отождествляет истину с Собой: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). Здесь слово «истина» означает уже не просто некую данность, имеющую место в действительности, а нечто неизмеримо более высокое и важное. Истина в богословском понимании – это творческий замысел Божий о мире и о человеке, то, какими мы должны быть, согласно Божьему замыслу.

Через душевную боль наша совесть ежедневно показывает нам, где мы уклонились от этой Истины, где мы уклонились от Христа. И не так уж важно, в каких обстоятельствах это произойдет: обидим ли мы жену или сами обидимся, накричим на детей или просто с раздражением толкнем случайного прохожего в уличной давке.

В любом случае такой конфликт с собственной совестью окажется для нас встречей с Богом, Которого в христианстве вовсе не случайно называют – Солнце Правды.

Ведь под солнечными лучами различные вещества ведут себя очень по-разному: воск размягчается, обретает способность принять новую форму, измениться. Глина же, наоборот, твердеет, сохнет, становится жесткой и нечувствительной к пальцам гончара или скульптора. Так и сердце человека – при встрече с Богом может либо размягчиться, подобно воску, либо – окаменеть, словно глина. А вот чему его уподобить – глине или воску, – это решает лишь сам человек, в этом и заключается божественный дар свободы, полученный людьми еще при сотворении. Внешние обстоятельства нашей жизни могут быть самыми разнообразными – благоприятными, или кошмарными; ровными, словно шоссейная дорога, или ухабистыми, как разбитый проселок. Но ожесточить или смягчить на этих путях свое сердце человек может только по собственной воле – когда Бог откроет ему Себя в каком-нибудь совсем неприметном для стороннего наблюдателя случае. Так вполне благополучный и счастливый богач из евангельской притчи каждый день отказывал в милости Христу, хотя перед ним был всего лишь покрытый коростой нищий бомж Лазарь. Так благоразумный разбойник, за свои преступления приговоренный к мучительной смерти, уже на кресте нашел в себе душевные силы пожалеть распятого рядом с ним Господа.

Так каждый из нас ежедневно либо смягчает свое сердце прощением обид и состраданием к чужому горю, либо ожесточает его самооправданием и нежеланием признать собственную неправоту перед людьми, Богом и собственной совестью.

Александр Ткаченко
foma.ru

Искусство благодарить

Мы живём в падшем мире, исковерканном грехом. Далеко не всё, что высоко в этом мире, войдёт в Царство Небесное. Апостол Павел говорит, что из добродетелей веры, надежды и любви – любовь выше, потому что после всеобщего воскресения веры и надежды не будет, останется только любовь. Любовь вообще божественна, ведь, по слову апостола Иоанна, «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8). Но, кроме любви, горнему миру принадлежит, среди прочего, и благодарность.

Благодарность – это даже не лекарство для исправления нашей падшей природы, как, скажем, вера. Благодарность – это одна из основных черт религиозного опыта. Общение человека с Богом обязательно было бы пронизано благодарностью, даже если бы человек не был обезображен грехопадением.

На каждой литургии мы повторяем ангельскую песнь: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея, осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне!» Если мы вникнем, то услышим, что её смысл – преклонение перед Богом, хваление и благодарение. Апостол Иоанн Богослов в книге Откровения рассказывает о своём видении небесной литургии, где праведники вместе с Ангелами воздают славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, Живущему во веки веков, то есть Богу.

Наша земная литургия называется ещё Евхаристией, что в переводе с греческого означает «Благодарение». Молящиеся миряне, к сожалению, не слышат тех молитв, которые священник читает в алтаре при совершении литургии. Текст этих молитв каждому сознательному христианину нужно прочесть, изучить и знать, ведь священник читает эти молитвы от лица всех участвующих в литургии. И главной темой этих общих наших молитв является благодарность Богу – за все «явленные и неявленные благодеяния, бывшие на нас». Эти молитвы начинаются с призыва священника «Благодарим Господа!». И дальше священник читает нашу молитву так: «Достойно и праведно Тебя воспевать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего, ибо Ты – Бог Неизреченный, Непознаваемый, Невидимый, Непостижимый».

Уже одна только мысль о Боге должна вызывать в нас чувство благодарности. В самом деле, что мы можем воздать Богу за все Его неизреченные дары нам? А самое главное, за дар Самого Себя, который Он дал нам. Мы ничем не можем равно воздать Богу, и потому ничто не может превратить этот дар в сделку. Это неизреченный, неоплатный, бесконечно превосходящий нас дар. Ничто не может сделать нас достойными этого дара. Но если у нас не будет благодарности Богу, мы будем хуже животных. Пророк Исаия говорит: Вол знает владетеля своего, и осёл – ясли господина своего (Ис. 1, 3). Получается, если человек не имеет благодарности Богу, то становится хуже вола или осла, которые знают своего хозяина, знают, из чьих рук получают пищу. И только испытывая благодарность Богу, мы можем принять Его дар хоть сколько-нибудь достойно.

Опыт многих людей, и даже многих христиан, говорит, что жизнь тяжела, тускла и беспросветна. Что нет никаких поводов для того живого и радостного чувства признательности и благодарности, из которого и родились молитвы литургии. Это происходит от того, что мы разучились принимать подарки. Мы потребляем Божии дары как должное и мелочно унываем, что Бог нам чего-то недодал. Мы получили несметные сокровища от Бога: жизнь, способность любить, дружить, думать, дышать. Мы получили в дар от Бога все красоты сотворённого мира – деревья, горы, небо, звёзды. Но мы не воспринимаем это всё как дар и потому не умеем благодарить Бога – за наших родных и близких, за детский смех, за ветви деревьев, за дуновение ветра, за возможность молиться Богу. Не умея благодарить, мы и не получаем других даров. Исаак Сирин писал: «Благодарность от принявшего благо воодушевляет Дающего (то есть Бога) преподать ещё большие дары».

И даже когда в жизнь приходят настоящие скорби и испытания – и тогда нужно не пере-

ставать благодарить Бога за всё. Святитель Иоанн Златоуст, сам изведавший несправедливые гонения, но умерший со словами «Слава Богу за всё!», приравнивал подвиг безропотного и благодарного перенесения скорбей к мученичеству: «Нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога. Кто перенёс скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический». Кроме того, у нас есть твёрдая надежда, которую нам доносит апостол Павел, что Бог не попустит нам испытаний выше наших сил и что нынешние временные страдания ничего не стьят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (Рим. 8, 18). Мы переносим с благодарностью те болезненные процедуры, которые делают с нами врачи. Как же тогда не потерпеть с благодарностью испытания, которые нам для нашей же пользы посылает Господь, Который Сам без ропота претерпел за нас страшные мучения и позорную смерть?

В помощь человеку дан спасительный камертон – тайные молитвы литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого. В этих молитвах содержится всё нужное богословие, из этих молитв можно перенять самый правильный – благодарственный – настрой христианина. Иметь те же чувства и те же мысли, которые вложены в эти удивительные слова, необходимо для того, чтобы участвовать в литургии. Если мы не имеем благодарности Богу, то и наших голосов не слышно в общем хоре людей и Ангелов, поющих Богу благодарственную службу – Евхаристию.

Иеромонах Савва (Гамалий)
otrok-ua.ru

Говорят, что...

Говорят, что...

Если человеку в храме стало плохо, значит, он – большой грешник, и поэтому Бог его отвергает.

...на самом деле

В данном случае грешником себя следует считать тому, кто так бездумно взялся судить другого человека, вместо того чтобы помочь ему в тяжелую минуту. Человеку может стать плохо в храме по самым разным причинам – от повышенного давления, от обострения хронической болезни, а иногда – просто от духоты. Церковь никогда не связывала такое временное недомогание человека в храме с его греховностью.

Говорят, что...

Причастие большого количества верующих из одной Чаши, целование одних и тех же святынь способствовало распространению эпидемий.

...на самом деле

ничего подобного в истории не наблюдалось. Дело в том, что каждый раз после причащения всех прихожан священник или диакон сами потребляют оставшиеся в чаше Святые Дары. И если бы эпидемии распространялись подобным образом, то самой уязвимой частью населения оказались бы священнослужители. То есть они попросту вымерли бы как сословие во время первой же такой эпидемии еще на стадии ее возникновения.

Говорят, что…

христианство – религия, проповедующая рабство, потому что каждый верующий должен считать себя рабом Божьим, а это унизительно для свободного человека.

... на самом деле

Рабами (работниками) Божьими становятся люди, добровольно решившие строить свою жизнь по заповедям Евангелия, в которых нет ничего, что противоречило бы законам человеческой природы, что было бы для человека унизительно или противоестественно. И напротив – тот, кто не желает жить по этим заповедям, неизбежно становится рабом греха и страстей: Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их – смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная (Рим 6:20–22).

Говорят, что...

В Библии написано, что спасутся всего лишь 144 тысячи праведников за всю историю человечества. Нет смысла жить по заповедям, если шансы на выигрыш в этой «лотерее» так ничтожно малы.

...на самом деле

Это – сектантская точка зрения, основанная на очень предвзятом прочтении Откровения Иоанна Богослова. Согласно же православному вероучению, количество спасающихся людей не ограничено никакими конкретными числами. Преподобный Иоанн Лествичник писал даже о том, что «...хотя не все могут быть бесстрастными, тем не менее, не невозможно, чтобы все спаслись и примирились с Богом».

Говорят, что...

Православным христианам не нужно читать Ветхий Завет, потому что в христианстве многие ветхозаветные нормы поведения были отменены.

... на самом деле

Церковь считает боговдохновенным все Священное Писание, без каких-либо изъятий. И то, что некоторые ветхозаветные нормы поведения не обязательны для христиан, вовсе не означает, будто читать Ветхий Завет им не нужно.

Главное проявление веры

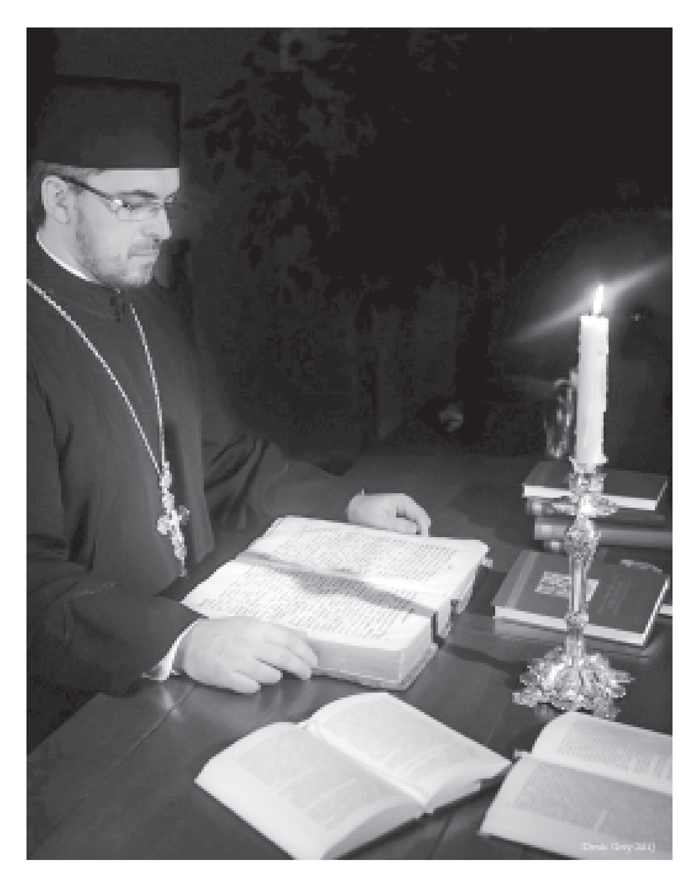
Одно из главных проявлений веры, и даже первое ее проявление – это молитва. Представить себе веру без молитвы невозможно. Кто не молится, тот не верует. «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5, 17), – учит Апостол. Веруя в Бога, мы, конечно, молимся, периодически обращаемся к Нему, Его Пречистой Матери, святым угодникам. Но Апостол говорит о непрестанной молитве. Разве это возможно? Целый день молиться? А когда же работать, воспитывать детей, встречаться с друзьями? В том-то и дело, что молитвой может и должна быть пронизана вся наша жизнь. Молитва – любое обращение к Богу. Не обязательно произнесение какого-то известного текста, вернее – не только это. Проверяем ли мы свои мысли, слова и поступки, свои желания на соответствие Заповедям Божиим, читаем ли Священное Писание, размышляем ли на благие темы, стараемся познать духовные истины из литературы или в дружеской беседе – мы молимся. Мы стоим перед Богом, мы думаем о Нем, мы о Нем помним.

«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (Еф. 6, 18). То есть Господь принимает молитву всякого рода, когда мы молимся духом. Кстати, видимая и слышимая часть молитвы – слова, коленопреклонения, крестное знамение, поднятие к небу очей, все это призвано лишь возгревать и выражать наш молитвенный дух. Но молитва может быть и безгласной, она может никак не проявляться в мимике и жестах, но, тем не менее, человек стоит перед Богом и обращается к Нему. И все же, как молиться непрестанно и во всякое время? Апостол дает простой совет: «Все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол. 3, 17). «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию» (1 Кор. 10, 31). О том, кто претворил это правило в жизнь, можно сказать, что он непрестанно молится. Святые отцы называют такое состояние хождением перед Богом. Само наше дело, наш труд становится молитвой, если он совершается во славу Божию и перед Богом. Такой труд совершается с приложением всех сил, всего таланта. И тогда, каким бы незначительным и непрестижным ни представлялось дело, в нем всегда найдется место творчеству.

Прерывается молитва грехом. Ведь невозможно, просто кощунственно, во славу Божию воровать, обманывать, притеснять ближнего, сквернословить. Правда, бывает, что грех побуждает к покаянной молитве, отрезвляет от самомнения, учит. Так иногда Господь попускает нам пасть, дабы мы через это познали свою истинную слабость и истинное несовершенство. И потом, через покаяние, с большим молитвенным вдохновением припадали к Истинному Источнику благ. Но если мы упорствуем в грехах, мы разрываем нить молитвенного общения с Богом. Особенно пагубны в этом отношении страсти, те, ставшие привычными, грехи, которым человек «покорился» так, что они стали частью его личности. Это не только грубые страсти пьянства, блуда, чревоугодия или сребролюбия, но и те «благородные» страсти, на которые в мире принято смотреть снисходительно, а иногда и с восхищением.

Любить литературу, театр, кинематограф или спорт само по себе – не грех. Но случается, их любят до самозабвения. Забывая о своем христианстве, о христианской совести. А ведь далеко не всякую книгу, постановку или фильм можно читать или смотреть «во имя Иисуса Христа» и «во славу Божию». Сидя перед телевизором, где показывают очередную «талантливую» непристойность или натуралистическую бойню, не станешь вспоминать о Боге, а будешь всячески прятаться от любой памяти о Нем, будто Его в это время нет вовсе. Разве что кто-то, в ком страсть к «прекрасному» совсем заглушила стыд, встанет поправить лампадку: «коптит». Отец Иоанн Кронштадтский говорил и писал против театра, картежной игры и футбола именно из-за той страстности, с которой люди предаются этим забавам. Если говорить о зрителях спортивных состязаний, о болельщиках, то вряд ли во время матча им до молитвы. Хотя бывает и такое обращение к Богу: «Господи, пусть выиграют “наши”». Такую молитву назовешь не дерзновенной, а дерзкой. Не во всякой прихоти уместно призывать помощь Божию. Представляете, болельщики Зенита молятся о победе своей команды, а болельщики Локомотива – о победе своей. Как, им представляется, Господь рассудит матч? Просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного – унижает Его.

Можно сказать, что любая страстность неполезна для души. Иногда люди удивляются, что их молитва не имеет видимого результата: «Я молился (или молилась), но Господь меня не слышит». Господь слышит даже то, чего еще не произнесли уста, что не оформилось мыслью. Но не всегда дает просимое. Иногда Он медлит именно из-за нашей страстности. Из-за страстного желания, чтобы было только по-нашему. Почему? Потому, что страсть не при-

емлет Божией воли, если она не совпадает с Ее волей. Она пренебрегает Божиим и настаивает на своем. И еще – страсть ослепляет и оглупляет. Человеку кажется, что с исполнением именно этого желания наступит счастье. Но когда так страстно желаемое претворяется в жизнь, оно редко оправдывает надежды. Действительность всегда оказывается иной, чем представлялось. И жалко бывает потраченных зря душевных сил, напрасного горения души. Удовлетворенная страсть приносит не счастье, а печаль и уныние. Кстати, поэтому родители и духовники так не любят благословлять браки по страсти. Слишком часто они бывают недолгими и несчастливыми. Так и Господь медлит с ответом на наши страстные просьбы, дает время прийти в себя, остыть.

Даже самые благие намерения и желания не должны быть страстными. Иногда страстное желание доброго и полезного, будь то замужество, или рождение ребенка, возвращение ушедшего супруга, получение хорошей должности, вначале высказывается в молитве Богу. Но если на эти молитвы долго нет «положительного ответа», нередко страстное желание дополняется болезненным унынием, или принимается искать иные пути к «счастью». Случается, эти пути проходят через пренебрежение Божиими Заповедями, магию, колдовство, «духовное» лукавство, другие злые дела. Потерпеть волю Божию страсть не может. Этим она и обнаруживает себя. В то время как в готовности принять волю Божию, какой бы она ни была – открывается духовная свобода.

Святые отцы учат, прежде всего, молиться об очищении от страстей. С какой бы нуждой мы ни обращались к Господу, наша первоначальная молитва всегда должна быть о прощении грехов, и исходить из сердца, полного решимости оставить грех. Молитва вообще тесно связана с совестью. «Человек, следующий голосу своей христианской совести, молится с великой уверенностью: ибо он молится вместе со своей совестью, от нее и за нее». И напротив, тот, кто пренебрегает своей совестью, молится неуверенно и вряд ли будет «услышан». По слову святителя Иоанна Златоуста: «Мы бываем не услышаны еще и тогда, когда молимся, продолжая оставаться в грехах».

Не станем смотреть на молитву, как на некий чек, по предъявлению которого нам обязаны выдать требуемый «товар». Но как на величайшую ценность, дарованную человеку – возможность личного общения с Богом. И, уповая на благость Божию, будем молитвенно просить Его о потребном, «зная, что если обращаемся к Нему, как должно и искренне, не только не отринет нас вовсе, но пока еще произносим слова молитвы, скажет: вот Я!» (святитель Василий Великий).

slavianka.com

Духовная мудрость

«Если говорить о Святыне Причащения, то праведному и порядочному христианину хорошо, и справедливо, и естественно часто освящаться и прибегать к этой Святыне, и жаждать ее более, чем мы желаем дышать. Поэтому каждый имеет разрешение причащаться постоянно, так что, если возможно, достойные не имеют препятствия причащаться даже каждый день».

Преподобный Иов Исповедник

Благодаря Причащению мы очищаемся от всякой душевной нечистоты и получаем готовность и ревность к добру: «Честная Кровь Христа не только от тления нас избавляет, но и от всякой нечистоты, сокрытой внутри, и не оставляет нас охлаждаться в нерадении, но делает нас более горячими в Духе».

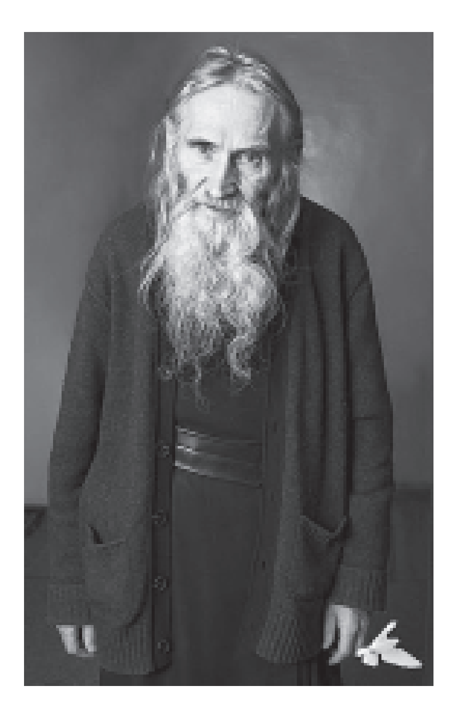
Святитель Кирилл Александрийский

Враги Церкви

Кого чаще всего объявляют врагами Церкви, и таковы ли они на самом деле? Чем может обернуться человеческий суд? Рассуждает книгоиздатель и член Издательского Совета Русской Православной Церкви Георгий Гупало.

Когда-то давным-давно я слышал от людей, близко знавших о. Илия еще в его молодости, одну поучительную историю. За точность всех деталей не ручаюсь, но история такая была, и сам о. Илий ее подтверждал.

Некоторое время он, будучи молодым монахом, жил в Псково-Печерском монастыре. Дали ему послушание водить экскурсии по пещерам. Он водил, показывал, рассказывал о духовных подвигах монахов, о святой жизни праведников, их праведной кончине и святых нетленных мощах. Все было нормально, но однажды в группу экскурсантов попал родственник какого-то партийного деятеля, высокопоставленный офицер одной очень известной организации.

Известный российский священник, насельник Оптиной пустыни, духовник Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла схиархимандрит Илий (Ноздрин).

Выслушав рассказ молодого иеромонаха о святых нетленных мощах как о результате святой жизни монахов-подвижников, гэбешник пришел в бешенство. В его идеологизированной голове это сложилось следующим образом: попик посягнул на самое святое, что есть в душе каждого советского человека — на Ленина!

Он противопоставил сомнительные подвиги каких-то глупых и темных монахов, останки которых почему-то не трогало тление, и величайшего вождя мирового пролетариата, гениального и мудрейшего Владимира Ильича, за телом которого надо ухаживать и бальзамировать-бальзамировать-бальзамировать.

Одним словом, налицо была разнузданная антисоветская пропаганда и оскорбление светлой памяти великого Ильича. Товарищ сразу написал «письма куда следует» и доложил по инстанциям о найденной «вражине» и поднимающих главу вражеских «недобитках» в известном всем и крайне опасном для советской власти монастыре.

Бумага с резолюцией «Навести порядок» пришла к псковскому Архиерею, которому ничего не оставалось делать, как выехать в Псково-Печерский монастырь. Владыка устроил «разбор полета», словесно отдубасил «недоумка и провокатора», с позором выбросил о. Илиана (так тогда звали о. Илия) из монастыря, поставил всем на вид, предупредив о более тяжких последствиях для всех и каждого при повторении подобных происшествий.

Люди старшего поколения могут представить себе, что в тот момент мог чувствовать молодой иеромонах, получивший хорошее духовное образование, выпускник Ленинградской Духовной Академии, постриженник самого митрополита Никодима (Ротова): всё, жизни больше не будет, можно сразу в петлю лезть – снятие священства, никаких монастырей и монашества, никакой приличной светской работы, постоянный надзор органов, как за неблагонадежным…

Владыка кричал и топал ногами, разве только не избил. Его понять можно: тогда было такое время, иначе он и не мог поступить. Но, уже выезжая из монастыря, Владыка тихонько, чтобы никто не видел, взял иеромонаха Илиана в свою машину и отправил его к себе на дачу, а потом спустя какое-то время умудрился «сплавить» на Афон в качестве ссылки-наказания. Т.е. даже не испугал волка лесом, а просто в лес выпустил, да еще и заповедный, где охотников нет и зверей не стреляют.

На Афоне о. Илиан прожил довольно много лет, стал духовником обители и кроме всего прочего начитался всякой антисоветской литературы, коей там было в избытке. Там-то о. Илий и стал окончательным и убежденным антисоветчиком, полагающим, что все зло в нынешней России от коммунистов. Все, кто много общался с батюшкой, знают его твердую и непримиримую позицию по этому вопросу. Даже какие-то попытки взглянуть на ситуацию под другим углом зрения пресекаются мгновенно: «Ууу, это же коммунисты, их надо всех удалять от власти». Одним словом, если хотите возбудить о. Илия, скажите слово «коммунист» – и сразу увидите перемену.

И вот однажды, в начале 1990-х годов, о. Илий приехал ко мне в

гости, в Питер. Он очень любит Петербург, с Питером связана его молодость, учеба в Духовной Академии, постриг… Я решил показать один храм, в котором он не был при советской власти – Казанскую церковь Новодевичьего женского монастыря, построенную великим русским архитектором Василием Антоновичем Косяковым, автором самых значительных петербургских храмов конца XIX – начала XX веков.

Монастырь тогда еще не был передан Церкви, на первом этаже стояли станки и царила мерзость запустения, а в крипте храма прописались «зарубежники» – приход Русской Православной Церкви Заграницей, настоятель которого покинул юрисдикцию Московской Патриархии по сугубо личным мотивам и вел активную, в том числе антиофициальноцерковную политику.

Надо сказать, что маленький храмик в крипте был очень хорош. Там сформировалась настоящая крепкая община, издавалась газета и выпускались хорошие книги. Их деятельность, хоть и носила явный раскольничий характер, но была во многом примерной. Особенно на фоне старых советских приходов, в которых десятки лет царствовали могучие старосты-мастодонты, разъезжавшие на черных «Волгах» и имевшие невероятную власть над душами любого прихожанина или клирика храма. Помню, один староста, выпускник той же Ленинградской Академии, орал на меня в храме: «Запомните, юноша, никогда эта тварь и мразь черносотенная Иоанн Кронштадтский не будет канонизирован в нашей Церкви! Никогда! Пошел вон, щенок!». Матерные слова я опускаю, думаю, этих фраз достаточно.

И вот я решил привезти о. Илия в Казанскую церковь Новодевичьего монастыря. Естественно, по дороге я рассказал о. Илию о свой «войне» с «зарубежниками», активно занимавшимися расколом Церкви. О. Илий улыбался, списывая эти слова на мою молодость и горячность. Он знал многих «зарубежников» по Афону и отзывался о них очень тепло.

Приезжаем в храм. Батюшка перекрестил лоб, поклонился перед центральной иконой, приложился к ней и решил поставить свечки. Пошли за свечами. За прилавком стоял молодой парень-«зарубежник», комсомольского вида и возраста. Достали деньги и вдруг услышали невероятное:

– Я не продам вам свечей! Мы не продаем свечей советским попам!

Мы даже дар речи потеряли.

– А… с чего вы взяли, что перед вами советский поп? – наконец спросил я.

– А что, разве этого не видно? Да у вас на лбу, батюшка, красная звезда нарисована. Вы же коммунист! Вы же служили Ленину и всю жизнь поклонялись ему! Признайтесь, разве не так?

Бедный отец Илий стоял как каменный, он не мог и слова произнести. Я, честно говоря, ожидал чего угодно, но такого… Зная его отношение к коммунистам, я решил спасать ситуацию, подхватил батюшку под руки и повел к выходу. Ворчал он долго – вздыхал, бухтел что-то под нос, в общем, несколько часов потом переживал встречу в храме. Особо ничего по поводу слов «зарубежника» не сказал, вслух парня не осудил, но всем своим видом показывал, что травмирован услышанным.

Понятное дело, что молодой человек не знал, кто перед ним – тогда мало людей знало о. Илия. Парень сказал так, как сказал бы любому человеку в рясе и с крестом, вошедшему в храм. Приехали бы представители зарубежной Церкви, то его бы предупредили, а ко всем представителям Московского Патриархата у него отношение было одинаковое – все коммунисты.

Так вот к чему вся эта история.

Вчера зашла ко мне в блог в одной из социальных сетей неизвестная мне православная активистка, участница Рождественских Чтений, и, бросив взгляд на мою аватарку, вынесла быстрый и окончательный вердикт: еврей. Ей не нужны никакие оправдания и доказательства обратного. Она решила, и другого варианта быть не может. Есть такая группа лиц в нашей Церкви, которые убеждены, что еврей – это не только человек второго сорта, но и однозначный враг Церкви, России, Православия. Если записали во враги (или евреи), то никакие дела не спасут.

Ты можешь быть хорошим священником и тридцать лет молиться у престола Божия, можешь быть мудрым и опытным духовником, помогающим людям обрести мир в душе и веру в себя, можешь быть просветителем, издавать православные книги, помогать больным и старикам. Ты можешь всю свою жизнь отдать служению Богу, людям, Церкви. Но в глазах этой группы граждан ты навсегда будешь жидом и врагом их Церкви. Просто потому, что кому-то из них показалось, что ты похож на еврея, и у тебя фамилия не Иванов.

Антисемитизм есть у всех народов. Даже у евреев. Есть он и в нашей стране. Отношения между православными и еврейской общиной не всегда носили мирный характер, дурных дел мы наделали много с обеих сторон. Цель этой статьи – не тронуть крайне скользкую и сложную тему межнациональных отношений (и в особенности не для всех очевидную тему христианского отношения к антисемитизму). Цель записи в другом: мы часто выносим вердикт, исходя из своих не всегда объективных умозаключений. Этот человек глуп, так как написал или сказал что-то глупое; этот человек негодяй, потому что совершил недостойный поступок; этот человек подлец, так

как однажды совершил подлость. Все, один раз совершил, — значит, подлец на все времена.

Сейчас стало очень популярным развлечением для некоторых православных активистов искать врагов Церкви. Допустим, есть некая вражина, которая открыто выступает против Православия и Св. Церкви. Прямо говорит, что готов противостоять и доказывать вредность Православной Церкви. Что нам делать с таким человеком? Неужели нужно прежде всего заклеймить врага позором, поставить страшную метку на чело, означающую для всех, что перед нами враг?

Некоторые так и поступают. И сразу начинают искать в нем доказательства своему вердикту. Веским основанием станет открытие в нем еврейских корней, т.е. не просто человек оступился, а сознательно всем своим родом противостоит. Еще модно разбирать сексуальную ориентацию и политические взгляды противника. И там тоже обнаруживаются причины борьбы с Церковью.

Так поступают почти все современные «православные активисты». Им бесполезно рассказывать об обращении гонителя христиан Савла, приводить многочисленные примеры преображений разбойников и отпетых негодяев, изменившихся настолько, что даже были прославлены Церковью как святые. Бесполезно вспоминать недавнюю историю советского времени, когда прожженные атеисты становились священниками. А иногда бывало и наоборот – уважаемые пастыри снимали сан и выступали по клубам с антиклерикальными докладами.

Для многих новоначальных христиан (в данном случае биологический возраст почти не имеет значения) гораздо важнее слова, которые произносит тот или иной человек. Скажем, если выйти перед ними на трибуну и громко, уверенно произнести: «Русь Святая, храни веру православную!», – толпа будет рукоплескать или просто одобрительно загудит. Если эту фразу произносить часто и всюду, то в сознании граждан ты станешь православным патриотом и умницей. При этом дела твои могут быть совершенно обратными или ты вообще не будешь ничего делать, а только переходить с трибуны на трибуну с одинаковым набором лозунгов. В сознании народных масс ты – борец за Православие и Святую Русь.

А вот если выйдешь и скажешь: «Давайте предоставим Господу Самому судить участниц одной известной панк-группы. Уж Его суд будет самым верным, кто знает, как закончат свой жизненный путь молодые участницы коллектива. Может, они нам еще покажут пример веры и совершат много добрых дел. Может, они будут теми, кого изберет Господь. Как Он избрал Савла и на все века сделал учителем христиан». Эта фраза наверняка будет встречена неодобрительными выкриками и надолго даст повод к поношениям человека, ее произнесшего. И в этом случае никакие добрые дела и поступки не помогут. «Перед нами враг! Или запутавшийся человек, который не понимает, что такое хорошо, а что такое плохо! А давайте разглядим его внимательней, вдруг у него нос кривой и бабка еврейка!».

Господь призывал нас судить человека по делам его. Теперь мы судим даже не по делам, и даже не по словам, а по своим отношениям, своим иногда предвзятым взглядам и пристрастиям (хорошее, емкое слово), пропитанным нашими человеческими слабостями. Нам легче поставить метку «свой/чужой» и делить мир на белых и красных, чем попытаться услышать человека, понять его и, пусть даже не согласившись, принять его точку зрения. Признать, что его взгляд возможен так же, как и наш. И кто из нас прав, не всегда разберут окружающие. Иногда человек оказывается прав спустя десятки лет и даже столетия…

Мы должны благодарить тех, кто бьет нас сейчас. Не воевать с ними, не доказывать, что такие люди или такие СМИ – это враги Церкви, России и Патриарха, а благодарить Бога за то, что Он напоминает нам о нашем несовершенстве, благодарить людей, которые помогают нам обратить внимание на наши недостатки, просить помощи Божией, чтобы исправить их и стать лучше.

Легче всего жить в мире, разделенном надвое: «свой» или «чужой». Еще легче развесить метки: этот – коммунист, этот – еврей, этот – демократ, этот – «едрос», этот – «эховец»… «Враги! вокруг много врагов! мы окружены врагами!». Но попытайтесь посмотреть на свой мир со стороны. Со стороны это выглядит так же смешно, как история про бывшего комсомольца, с пеной у рта утверждавшего, что о. Илий – коммунист, и у него на лбу горит красная звезда. Да и самому о. Илию та история, я думаю, послужила уроком: «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить…» (Мф 7:1–5).

Не будем поспешны в выводах, не будем развешивать ярлыки и прикреплять метки, не будем искать врагов вокруг – и мы сами убедимся, что мир прекрасен и добр к нам, а Господь очень милосерд и милует нас даже больше, чем мы того заслуживаем. Давайте поверим, что тот, кто воспевает наши достижения и успехи, не всегда наш настоящий друг, а говорящий о наших недостатках не всегда желает нам зла.

Как мудро сказал святитель Филарет (Дроздов): «Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие – моя ошибка, а лишнее подозрение – обида ближнему».

pravmir.ru

В аду нет выбора

Как случилось, что «свободному западному человеку» жизнь стала безразлична? Можно ли оставаться свободным даже в тюрьме или «психушке»? Что значит фраза «Бог есть мятеж»? Почему европейские СМИ молчали об очереди к Поясу Богородицы в Москве? Об этом и многом другом мы поговорили с философом Татьяной Горичевой, которую еще в 1980 году выслали из СССР за диссидентскую деятельность и чьи лекции о Православии с тех пор пользуются непреходящей популярностью в Европе.

Татьяна Горичева. Православный философ, публицист, миссионер. Родилась в 1947 году в Ленинграде. Крестилась в возрасте 26 лет. В советские годы была соредактором самиздатовского журнала «37». В 1980 году была выслана из СССР. В течение восьми лет до возвращения в Россию жила в Германии и Франции. Училась в католическом институте св. Георгия (Франкфурт-на-Майне, ФРГ), в Свято-Сергиевском Православном богословском институте в Париже, прослушала курс лекций в Сорбонне. Автор многих книг о православной вере и культуре. Регулярно выступает в России и в западных странах с лекциями о Православии.

Царство количества

– Татьяна Михайловна, свобода – это сегодня, наверное, самое популярное слово среди политиков и общественных деятелей. Может сложиться впечатление, что свобода – это преимущественно социально-политическое явление. Но так ли это?

– Да, «свобода» – это самое затасканное и ничего не значащее слово в сегодняшнем политическом лексиконе. На место религии на Западе приходит политика. С грустью сознаю этот факт каждый раз, когда мне приходится говорить о русских мучениках. Даже самые «верующие» западные собеседники в число мучеников немедленно вписывают Солженицына, Шаламова, даже Зиновьева. А сейчас так и «Пусси»… Приходится долго объяснять, что Пусси – нечто противоположное не только мученичеству, но и политическому диссидентству.

Впервые я поняла, какая чудовищная подмена понятий свершилась в западной цивилизации, когда прилетела (будучи изгнанной) в Вену. Одна австрийская газета написала: «Горичева выбрала свободу». И бесполезно было объяснять, что «ничто не отделит нас от любви Божьей», что, если ты – христианин, можно быть свободной и в тюрьме, и в психушке. Напротив, в окружении западных внешних красот, развлечений и удовольствий теряешь мысль о Едином на потребу, а значит, и внутреннюю свободу.

Когда я сразу после отъезда из СССР давала в Вене свои первые интервью (прилетели журналисты многих крупнейших изданий и телеканалов), то потом, просматривая их, я с ужасом видела, что все, что «о Боге и о Церкви», было вырезано. Осталась лишь «война в Афганистане», тяжести советского быта, антикоммунизм. Тогда мне стало ясно, как я ошибалась, радуясь, что мы прибыли в «свободную Европу», где (как я раньше думала) все используют «демократию», чтобы любить, молиться, писать стихи.

– А насколько вообще сочетаются свобода и материальный достаток, свобода материального выбора, которую мы ассоциируем с Западом? Не противоречат ли они на самом деле друг другу?

– Материальный достаток «доконал» Европу. Вместо выбора между Богом и дьяволом, жизнью и смертью, западный человек совершает выбор между двумя марками машин. Отсюда – его мелкость и то, что сказал о среднем европейце Константин Леонтьев: «средний европеец как орудие всеобщего уничтожения».

Наше время – это время настоящего господства Золотого Тельца. Как никогда актуальна проповедь Евангелия. В Евангелии Господь шесть раз выступает напрямую против богатства и только два раза непосредственно против дьявола. Бедность стала мудростью. Для передовых людей (и на Западе, даже больше на Западе, ибо здесь лучшие уже пережили соблазн богатства) – это что-то жизненно необходимое. У меня за десятилетия пребывания вне России появилось несколько десятков настоящих друзей, все они выбрали аскетический об-

раз жизни, некий минимум (дома лишь книги и иконы), ничего лишнего. «Блаженны нищие духом» – как пишут экзегеты (например, папа Бенедикт XVI), это по-еврейски может звучать и просто как «блаженны нищие». Бедность поставлена сегодня на предельную высоту, потому что сама природа (с ее катастрофами, исчерпанностью ресурсов, умиранием животных – и все из-за человеческой жадности и наглости) говорит нам: хватит расточать за чужой счет, эксплуатировать, жадничать, заниматься убийством и самоубийством.

– Как же тогда вообще определить свободу?

– Свобода выходит за пределы мира законов, логики, морали, даже за пределы самой свободы.

Богослов Владимир Лосский в разговоре с Оливье Клеманом так высказался о тайне свободы: «может ли Бог создать камень, который не сможет поднять? – известный схоластический вопрос имеет ответ: да, может, это – человек». От себя добавим – свободный человек.

Без свободы Бог был бы идолом, а человека не было бы вовсе. Ван Гог в одном письме к брату Тео писал, что Бог бессилен только в одном – Он не может отказать кающемуся грешнику. Тайна свободы – в признании себя несвободным.

Но все равно, свобода абсолютна, хотя бы потому, что абсолютна, безгранична любовь, которая не может быть несвободной. Свобода абсолютна, потому что она принадлежит творчеству, а творчество божественно, наш Бог – это Бог-Творец. Святой Дух ежесекундно «творит все новое».

– Но с христианской точки зрения – должен ли человек сам ограничивать свою свободу? Если да, то ради чего?

– Христианин – это человек Пути. Он не может стоять на месте, он будет подниматься или падать. Для того чтобы идти узкими вратами, необходимо различение духов. Предпочитая одни ценности другим, мы сознательно ограничиваем свою свободу. Жизнь всегда иерархична. Это особенно важно знать в наше не-путевое время, когда господствуют идеология потребления (паразитизм), царство количества, черная магия рекламы. Человек не только не способен выбирать, он не может ни на чем сконцентрироваться – в бешеном ритме один гламур сменяет другой, так что исчезает само движение и воцаряется адская безвременность. В аду нет выбора.

«Бог есть мятеж»

– Что может быть хорошего в том, что человеку предоставлена возможность свободно выбрать зло? Разве можно одобрять существование такой свободы?

– Свобода должна присутствовать везде и повсюду. Самое страшное, как заметил еще Бердяев, подчиниться «принудительному добру». Христианство – это нечто противоположное идеологии, утопии и мифу. Оно не позволяет осуждать ближнего, оно радуется истине, которая целостна, таинственна, недостижима.

Путь христианина становится труднее по мере того, как он вырастает в «новую тварь» (т.е. в новое, преображенное Божие творение). Чем ближе к святости, тем больше искушений и бесовских приражений. Ты выбрал Бога, но это Он полюбил тебя первым. В религиозном опыте все предельно интенсивно, таинственно и промыслительно. Несколько лет тому назад в Европе опубликовали дневники матери Терезы, где она откровенно говорила о частых депрессиях, даже отчаянии. Многих христиан это смутило. А многим и помогло. Люди поняли, что духовная жизнь – нечто противоположное механическому движению вперед. Наоборот, глубина боли и сострадания, переживание ужаса и неведомые миру слезы бывают часто уделом самых внешне счастливых и сильных людей.

«Бог есть мятеж» – кого-то смутят эти слова Макса Волошина. Алексей Лосев в разговоре с Бибихиным говорил, что по-гречески «мятеж» и «жертва» – одного корня. Сегодня принято говорить о мятеже лишь в политическом контексте, но здесь скрыта тайна личности-макрокосма (святой Максим Исповедник). Личность свободна, безумием творческой жертвенности человек преображается в микротеос (святой Григорий Нисский).

– А насколько, например, важно для христианина жить в условиях так называемой политической свободы?

– И все же политическая свобода (гражданское общество, справедливые суды, настоящие профсоюзы, самоуправление) нужна для того, чтобы общественная жизнь не превратилась в ад. На Западе – при всей лживости политических структур – слабые, после долгих усилий, могут найти защиту. Есть какая-то медицинская помощь, государство и церковь помогают нищим, бездомным, умирающим. Все делается медленно и трудно, но все-таки делается. В России же порой кажется, что ты абсолютно бесправен и должен исчезнуть с этой земли.

«Жанна д'Арк была русская»

– Вы уже очень долго живете на Западе. Какой он, опыт жизни там? Чем он в чем-то важном отличается от нашей жизни здесь?

– На Западе я поняла, что я «русская», но это не мешает мне любить и весь остальной Божий мир. Сила Запада в том, что огромное множество людей здесь уважают и хотят постичь «другое» – другие культуры, другие формы жизни. Русский человек когда-то тоже считался «всечеловеком», первая русская эмиграция (Лосский, Булгаков, Бердяев, Евдокимов…) была столь хорошо образована, столь открыта всему вечному и новому, что, например, здесь, во Франции, русские философы вели за собой и лучших представителей французской мысли. Сейчас же, слава Богу, можно путешествовать, но у многих православных возникает (наверное, в их случае справедливо) реакция «защитная», пугливая, часто перерастающая в отчаянное, инфантильное высокомерие.

Мне, путешествующей с докладами, меняющей страну за страной, было и радостно, и трудно. Я видела глаза, загорающиеся любовью, когда рассказывала о русских подвижниках, о наших монастырях. Это было самой большой наградой – сознавать, что Бог живет в самых разных душах, видеть, какой красотой светятся лица совсем незнакомых, но по-настоящему родных людей.

И все же сознавала и сознаю, что мною потеряно: вся Россия для меня, как для Гоголя, монастырь – больше всего хочется помолиться в Оптиной, освятиться атмосферой Дивеева. Да просто постоять на Литургии в какой-нибудь русской церкви, неожиданно заплакать, восхититься детской доверчивостью простого народа.

И самое страшное за эти годы эмиграции – встречать Пасху вне России. Ее здесь просто нет.

Западное христианство создало могучую культуру и цивилизацию. Но «гордый взор иноплеменный» забыл о смирении, не знает юродства. А без этого всё сходит на нет, что понимают и сами западные христиане.

– Можно ли сказать, что современный житель Западной Европы – свободный человек?

– Нет. Большинство несвободно. Есть свобода «от» и свобода «для». Только свобода для со-творчества с Богом освобождает человека. Это свобода от греха. Грех (и по-гречески и по-русски) означает не-попадание в цель, о-грех. Человек не совпадает с замыслом Бога о себе. Потеряв любящего Творца, чувство реальности, доверие к Жизни, западный человек стал рабом всяких страхов. Страх – это единственное чувство, которое еще теплится в душе «последнего человека». Заглушить эти страхи проще всего суетой, шопингом, гурманством «до упаду». Свободу от ответственности и страха дают деньги – всеобщий эквивалент для обмена одной эфемерной ценности на другую.

И все же Дух Святой не перестает действовать даже там, где его почти не ждут. Например, в Париже, где сейчас живу, я подружилась с католиками-традиционалистами. Они вовсе не пугливые «реакционеры». Они смелые и открытые. Как в XVIII веке, вновь существуют салоны, где парижские интеллектуалы (и много приезжих), художники, журналисты, священники обмениваются живыми мыслями, рассказывают о том, что происходит в мире (а мир, даже западный, быстро и промыслительно меняется). У этих консервативно-революционных кругов есть возможность влиять и на остальной мир: газеты, книги, радио, выставки. Они любят Россию – за христианский максимализм, за жертвенность, за полноту литургического и аскетического опыта. Не раз мне приходилось от них слышать: Жанна д'Арк была русская. Конечно, в шутку, но близкую к «особой» истине. Аббат Гийом Танайяр сказал: у вас в России есть народ (народ – это религиозный опыт коллективного страдания и коллективной победы). Мы же во Франции только начали вставать с колен.

– Вы участвовали в диссидентском движении. Скажите, пожалуйста, если бы Вы сейчас каким-то чудом вернулись назад, Вы стали бы делать то же самое?

– Да, и сейчас я продолжаю заниматься «общественной деятельностью». Только без наивной веры в «права человека», «право-защитничество», без радиостанции «Свобода». Теперь совсем другие времена, все большие структуры коррумпированы, «креативный класс» – это не прежние диссиденты. В них не веришь. Сколько хватает силы, помогаю лекарствами, деньгами, собиранием верных друзей, бессребреников, тех бедных, которые помогают еще более бедным. Особо трудно помочь животным. Они более всего гонимы и истребляемы в нашем все менее милосердном обществе. В России бываю не так часто, как бы хотелось. Здоровье не позволяет.

– Что было самым трудным и невыносимым тогда, в советское время? Можно ли сказать, что сейчас мы живем в более свободной стране, чем в советское время?

– В советское время я стала диссиденткой, потому что невыносимо было видеть, как несправедливо страдают люди, не вписавшиеся в рамки убогого советского мышления, как преследуют верующих, как гнобят поэтов, художников, не-конформистов, как унижена самая образованная в мире советская женщина. Но

если бы я знала, что произойдет во времена постсоветские! Меня ужасает не только материальное истребление беззащитных, не сумевших вовремя стать ворами и преступниками, но и исчезновение образования, книги, доверия к бытию – дух отчаяния, который заставляет забыться в плохом алкоголе, наркотиках или просто умереть. Никакой свободы не прибавилось. Мы живем во времена сатанинского неолиберализма, когда требуется лишь «свобода конкуренции». Расцвели самые низкие чувства – дух зависти, жадности, агрессии. Надо «быть злым» – лозунг времени.

– Что сейчас в наибольшей степени ограничивает свободу в современном мире, препятствует ей?

– Свобода ограничена растерянностью русского человека, потерявшего ориентацию. И силы зла прекрасно знают об этом. Русская Церковь (могу без преувеличения сказать, самая сильная и в духовном, и в интеллектуальном, и в аскетическом плане) пугает мировых «кукловодов». Особенно переполошились они после миллионной очереди на холоде к поясу Божьей Матери в Москве. Об этом в западных медиа – молчок. Но агрессивная атака на нашу Церковь началась. Благо, что на Западе (опережающем нас в этом плане на 50 лет) «пусси» появились и регулярно возобновляются – теперь уже как что-то «классически-приличное» – в виде, например, «писающего Христа». Это и есть царящее ныне «актуальное искусство». Только Православие с его глубокой мистикой, с миллионами мучеников, с неослабевающей молитвой, с духом пасхальности, с идеалами братства и «сердцем сокрушенным» спасет Россию. Мы – гигантский народ, и медленно оттаиваем, медленно, но верно.

Бегство от свободы

– Вы знаете, часто говорят, что Православие подавляет свободу. Недаром, дескать, христиане называют себя «рабами Божиими». Что Вы можете сказать на этот счет?

– Человек живет в иконной перспективе. Чем меньше он, тем больше Бог. Чем ниже молитвенный поклон, тем ближе Небеса. Цель христианина – обужение, и не только свое собственное, но и всей Божьей твари, что «стенает и мучится доныне» (Рим 8:22).

Обожение возможно через слышание зова Божьего. «Слышать» одного корня с послушанием. Сам Христос принял на себя зрак раба и был послушен даже до смерти крестной. Нужно найти великую музыку послушания – всему универсуму, который есть «чудесно составленный гимн» (св. Григорий Нисский). Тогда мы станем «иконой Бога», обретем красоту. Французская писательница и философ Симона Вайль пишет, что морские волны красивы оттого, что они послушны Богу. Православие сегодня привлекает и верующих, и неверующих всего мира прежде всего своей красотой – красотой Литургии, икон, смирения, святости. Именно эта красота спасет и спасает мир, потому что она есть творчески-свободное избрание послушания. В мире безобразного, гадкого и виртуального, она – Реальность. Она – действительное, т. е. действующее, преображающее Присутствие Таинства (что почти тавтология). Рильке писал: «Sein Wachstum ist der Tiefbesiegte von immer groesseren zu sein» («Его рост в том, чтобы быть побежденным всегда бульшим»).

– Но естественно ли вообще для человека быть свободным, стремиться к свободе? Или человек свободы боится, и ему скорее свойственно прятаться от нее под тенью каких-то авторитетов или идолов?

– Для человека, созданного по образу Божьему, естественно стремление к свободе. Но наша цивилизация все более напоминает ту, которую построил Великий Инквизитор у Достоевского. Нет большего желания у современного человека, как отдать свою волю и свободу кому-нибудь другому, как стать «рабом человеков». Бегство от свободы становится очевидным фактом. Не осталось даже страстей (а в страсти есть остаток свободы), нет энергии даже на нигилизм. Если в эпоху модерна люди еще имели «свое маленькое удовольствие днем и маленькое удовольствие ночью» (Ницше), то в эпоху постмодерна исчез и «последний», вечно моргающий человек. Люди не рискуют даже разрушать. В своем аутизме они более не трансгрессируют. Если принцип классического психоанализа гласит «там, где было Оно, должно стать Я», то сегодня – наоборот: там, где было хоть какое-то «я», должно стать «оно», дебильная биомасса. Отсюда распространение тоталитарных сект, банализация зла. Великому Инквизитору более никто не мешает.

– А в чем, на Ваш взгляд, современная либеральная идеология, которая доминирует в западном мире, благоприятствует свободе, а в чем ее подавляет или ей препятствует?

– Современная либеральная идеология, когда-то начинавшая с идеала свободы, превратилась в новый вид тоталитаризма, похуже гитлеровского и большевистского. Это как у Шигалева в «Бесах» Достоевского: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Если раньше западный

человек мог покупать, покупать и покупать, то теперь он обязан делать это – следовать моде, каждый день являться в новой рубашке, гоняться за брендами. Иначе станет изгоем. Если раньше гомосексуалисты могли (тихо и спокойно) существовать в своем меньшинстве, то теперь западный человек обязан признать, что это «меньшинство» – норма. О них – как о героях – говорят повсюду. Не будучи гомосексуалистом, ты уже почти не сможешь попасть в высшие круги шоу-бизнеса. Во Франции недавно появилась формула «Жениться можно на ком угодно». Сие означает: жениться нужно на том, на ком христианство запрещает жениться. Боюсь, сюда в будущем войдут и дети…

Человек без веса

– На Ваш взгляд, то, что человек в современном мире волен выбирать свой образ жизни, семейное положение, сексуальную ориентацию и даже пол – это проявления свободы или нет?

– Человек волен выбирать только тогда, когда он созрел для выбора. Когда может идти по пути богоподобия. И выбирать главное, иначе он, каждый раз спотыкаясь о вопросы «кто я?», «что мне делать?», не успеет и начать свою жизнь. Общество потребления лицемерно и хитро навязывает свои вопросы, чтобы навязать уже готовые ответы, заставить человека купить «готовенькое». Потеряв Бога – вертикаль бытия, современный человек стал «Человеком без веса» («L'Homme sans gravite», Charls Melman).

Исчезновение святого сделало человека безразличным к жизни. Когда нет идеала, не к чему стремиться. Просыпаясь, человек классической христианской культуры спрашивал: что мне необходимо? Как достичь страстно желаемого? Сегодня же психоаналитики жалуются – проблема в том, что нет проблем. Человеку ничего не хочется. Поэтому индустрия наслаждений навязывает ему свою продукцию под обманной вывеской различных свобод: ты свободен купить часы – и ты уже получаешь энергию жить дальше, ты признан почти сверхчеловеком. Купи путешествие – и тебе принадлежит весь мир. Свобода передвижения! Вместо нигилизма (который еще возбуждал) растет царство гиперреальности, сакрализованной лжи. Образуется тело Антихриста.

– Childfree – свобода от детей, freelove – свободная любовь… Под вывеской «свобода» сегодня в общественное сознание продвигается множество, скажем так, нетрадиционных для христианской культуры ценностей. Причем свобод сразу много, это не одна свобода. Как бы Вы прокомментировали это явление?

– Можно говорить лишь об одной свободе, как об одном Боге, об одной любви. К свободе призваны вы, братья! – а не к «свободам», пишет апостол Павел. Бердяев верно заметил – все говорят о правах (человека), никто не говорит о его обязанностях перед Богом. Человек свободен лишь тогда, когда стремится выполнить эти обязанности. Если же обязанностей (табу, нравственных запретов) нет, то не хочется и свобод. Запад, пережив «свободу любви», сильно остыл. Теперь, кажется, эрос можно найти только в «строгих» странах, в мусульманских, например, где свободная любовь запрещена.

Бердяев призывал к духовному аристократизму. Наверное, в наш век «неприличной, порнографической горизонтальности» (Бодрийяр) необходимо восстановить вертикаль смыслов. И это уже явлено в Церкви. Благородство – вот что меня более всего восхищало, как выражался Розанов. Ясно, что Розанов говорит о духовном благородстве, о человеке совершенно свободном, и свободном потому, что он берет на себя тяготы и ошибки всех других. Духовный аристократ слушает Бога (презирая идолов), в этом послушании он видит свою свободу как дар Божий, как миссию и Крест. Духовный аристократ просто не сможет быть не-целомудренным, растерять свою целостность. Он живет в иерархии, где низшие уровни для него закрыты. Об этом аристократизме, к которому призваны все христиане, говорит апостол Петр: Вы есть царственное священство…

– У блаженного Августина есть парадоксальные слова: «Велика свобода – быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода – не быть в состоянии грешить». Не могли бы Вы пояснить их?

– «Не быть в состоянии грешить». В раю люди, будучи напрямую связанными с Богом, не были в состоянии грешить. Поэтому святой Максим и говорит, что выбор появился лишь после грехопадения. Человек истинно свободный внутренне живет в раю, ему не надо выбирать.

Об этом же райском состоянии говорит и Майстер Экхарт: когда демон находится в раю, ему кажется, что он в аду. Когда ангел находится в аду, ему кажется, что он в раю.

Нам, русским, повезло. У нас уничтожено почти все, но в Русской Церкви по-прежнему – как в раю. И вся остальная жизнь становится «литургией после литургии».

Юрий Пущаев
Источник: журнал «Фома»

Мужчина и женщина: была ли Ева помощницей Адаму?

Тезис «Ева – помощница Адама» надолго стал оправданием неравенства полов. Сомнений, что может быть иначе, не возникало еще многие сотни лет, пока технологический прогресс и ход истории не освободил женщину от оков быта. Однако в том, что между мужчиной и женщиной есть различия, не сомневается никто. Но в чем духовный смысл этих различий? Возвращаясь к проблеме, поднятой в предыдущем номере журнала, мы поговорим о том, действительно ли неравенство сводится к тому, что женщина – слуга мужа? Не закралась ли в библейский текст ошибка, и женщина была создана Богом лишь в помощники Адаму?

Жена на «службе» мужа, или неточность перевода?

Согласно Библии, разделение человека на два пола является неким призывом к еще большей полноте. Но в чем состоит эта полнота и как осуществляется, каковы в идеале отношения между двумя людьми разного пола?

Найти прямые ответы на подобные вопросы в библейском тексте непросто, ведь перед автором Библии не стоит задача дать подробное пособие по семейному счастью или стать учебником психологии отношений. Однако для всех библейских религий Книга Книг – это система координат всей жизни, высшее откровение и бесспорное свидетельство о мире и человеке. Значит и «искусство» человеческих отношений, их смысл можно найти на ее страницах.

Итак, что же в Библии говорится о смысле «полового сепаратизма»?

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт 2:18).

Бог Библии создает жену как «помощника» для мужа. Наверное, в Библии нет более важного слова, когда речь идет о тайне отношений между Адамом и Евой, чем простое – «помощник». Однако именно этот очевидный по содержанию фрагмент текста вызывал и вызывает до сих пор множество вопросов и недоумений. Не говоря о том, сколько ошибок и абсурдностей стали следствием неверного толкования именно этого места.

Еще блаженный Августин удивлялся: «Ну какая же Ева помощница? В каком смысле? Какое странное наименование! Для чего вообще должна была явиться эта помощница? Нет иного ответа, как только для рождения детей...» И продолжая свое размышление, оставаясь предельно откровенным, Августин риторически вопрошает: «Если не для рождения детей, то для чего? Если для того, чтобы вместе обрабатывать землю, то помощником скорее был бы дан мужчина… Если допустить, что муж скучал от одиночества, то в интересах собеседования сообразнее было бы жить вместе друзьям, чем мужчине и женщине».

Впрочем, для V века, еще не знавшего женщин в политике, бизнесе и школе, вопрос Августина «для чего?» был максимально конкретен. К тому же Блаженный Августин не только не знал еврейского языка, но и не был знаком с греческим текстом Библии. Вслед за ним, имея в распоряжении только латинскую Вульгату, того же мнения придерживается Фома Аквинский и вся западная богословская мысль.

Такое «специфическое» понимание одного-единственного слова Библии определило в западной культуре и отношение к женщине.

В самом деле, какую еще помощь Ева может оказать Адаму, ведь она уступает ему в силе? Поэтому западные богословы единственное объяснение слову «помощник» находили в принципе деторождения. А для чего же еще, как не для рождения детей создана Ева? Жена сотворена не иначе, как чтобы муж господствовал над ней, а она имела к нему служебное отношение, – добавляют Августин и Фома Аквинский.

Чтобы разобраться, о чем действительно идет речь, вернемся к тексту Библии. Еврейский оригинал книги Бытия повествует далеко не о «помощнике». Употребленное здесь слово «эцер» куда глубже по содержанию, чем кажется на первый взгляд. Так, православный богослов и историк профессор Сергей Троицкий (1878–1972) предлагал переводить семитское «эцер» как «восполняющая бытие». Ева выступает не просто помощницей, а «той, которая будет стоять лицом к лицу с ним, с Адамом».

Мысль очень емкая: муж и

жена могут стоять лицом к лицу, как бы созерцая друг друга, проникая в глубины один другого, наполняясь новым содержанием. Они могут видеть друг в друге всю красоту образа Божия. Это сама вечность, которая через любовь соединяет двух в единое целое. Именно поэтому, как писал французский философ Габриель Марсель, сказать человеку: «Я тебя люблю» – то же, что сказать ему: «Ты будешь жить вечно, ты никогда не умрешь». Ибо, по слову апостола Павла, любовь никогда не перестает (1 Кор 13:8).

Иначе говоря, речь идет не столько о помощи в труде и родовой функции, а о восполнении самого бытия. Содействие же в труде, рождение потомства мыслится, скорее, как последствие этого восполнения. Муж обладает тем, чего не достает жене, а жена имеет то, чего не хватает природе супруга. Она та, через кого Он может стать чем-то большим. Он тот, посредством кого Она вырастает в полную меру. Это различие – не взаимоотталкивающее, а взаимодополняющее, взаимообогащающее. Они вместе только потому, что различны.

Как писал в IV веке святитель Григорий Богослов, «Бог совершил подлинно величайшее чудо, разделив корень и семя многообразной жизни на две части, и влил в недра обоих любовь, побудив их стремиться друг к другу».

Увы, ни латинский, ни греческий переводы Библии не передают в полноте удивительный смысл слова «эцер». Впрочем, восточные богословы и не принимали то узкое представление о назначении женщины, которое предлагает блаженный Августин, говоря о рождении детей. Среди святоотеческих писаний встречаются мнения, по смыслу близкие к еврейскому оригиналу. Так, греческие Отцы Церкви называли Еву не просто детородительницей, но полноценным спутником Адама в его жизни. Она та, в ком Адам созерцает самого себя, то есть его отражение, «alter ego».

В какой-то момент и сам Августин начинает сомневаться в справедливости своего суждения. Уже позже он говорит о некоей «святой дружбе» мужа и жены.

Итак, согласно Библии, в совместной жизни Адама и Евы происходит полное изменение человека, расширение его личности. Бог как бы опосредованно – сначала через познание человеком мира (наречение имен), а затем через взаимное познание мужчины и женщины – приводит человека к полноте бытия.

Стыд есть страх

Но действительность свидетельствует об обратном. И часто ответом на вопрос о причинах расставания людей слышится: «были слишком разные». Почему же эта разница между

Грех, согласно Библии, не только меняет социальные отношения мужа и жены он порождает и их отчужденность друг от друга, ломает их природу, убивает в Еве ту, через которую Адам был призван расти. Адам отныне перестает быть тем, через которого Ева стремится к полноте.

людьми, которая, согласно библейскому тексту, была задумана Творцом, осознается нами как трагедия? Ответ находим уже в третьей главе книги Бытия, где рассказывается о грехопадении. Грех входит в жизнь первых людей и в мир. Адам и его жена не устояли в любви Божией и лишаются Вечного вместе с вечностью. Именно здесь мы впервые узнаем значение имени Ева. Роду человеческому грозит опасность навсегда исчезнуть с лица земли – ведь бессмертие потеряно. Смерть входит в природу человека. Адам в ужасе, он и весь род его обречен на гибель, и в последней надежде он прозревает таинство родов и нарекает имя жене своей. Отныне она – Ева (буквально с еврейского – жизнь), ибо стала матерью всех живущих (Быт 3:20).

Это уже не «восполняющая бытие», не просто «Иша», а та, которая родит детей, даст роду человеческому жизнь. Грех, согласно Библии, не только меняет социальные отношения мужа и жены – он порождает и их отчужденность друг от друга, ломает их природу, убивает в Еве ту, через которую Адам был призван расти. Адам отныне перестает быть тем, через которого Ева стремится к полноте.

Теперь их задача – продлить род, то есть воплотить для начала хотя бы один из аспектов своих отношений. А подлинная человечность становится сложной перспективой, ведь отныне между мужчиной и женщиной возникает чуждость, страх, недоверие. Их некогда блаженная разность превращается в проблему, а отношения теряют глубинный смысл.

Раньше они были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились (Быт 2:25), теперь же открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания (Быт 3:7). Но стыд появляется только там, где нет любви, где существует чуждость. Мы стыдимся именно того взгляда, который осознаем как чужой. Адам и Ева, выпав из тайны взаимной любви, обречены на одиночество и взаимное недоверие. Отныне все, что будет происходить в их мире, будет более похоже на битву, а не на восполнение бытия. «Другой» отныне – мой враг, чужой и странный.

Как же здесь быть? Неужели этот страшный разрыв неизлечим, неужели он – хроническое заболевание? Евангелие со всей убедительностью заявляет обратное. Как в Ветхом Завете величайшим чудом, венцом и смыслом творения выступает брачная пара – Адам и Ева, так и в Новом Завете свое первое чудо Христос совершает на брачном пиру (см. Ин 2:1–11).

Очевидно, что язык Священного Писания полагает параллели между этими событиями. Бог не отвернулся от людей, не покинул и не оставил их навеки во взаимном одиночестве. Эта перспектива роста, возвращение людей к полноте бытия и общению по-прежнему осознается Библией как первостепенная. Ведь любовь есть дар Божий. И именно любовь должна преодолеть пропасть, возникшую между сынами Адама и дочерьми Евы.

И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф 19:5–6).

Вместе и навсегда

В мире, где разобщенность и противоположение осмысливается как норма, брак действительно можно назвать чудом, превосходящим все естественные состояния. Потому что пребывание в браке – это единственная возможность двум совершенно разным людям, благодаря взаимной любви, стать едиными.

Апостол Павел в Послании к Ефесянам называет отношения между мужчиной и женщиной великой тайной, подобной отношению Христа и Его Церкви (см.: Еф 5:21–33). Жизнь в браке апостол сравнивает с богообщением! Такая сильная параллель свидетельствует о том, что любовь в браке является абсолютным восстановлением потерянного восполнения.

Адам и Ева вместе начинали жизнь на земле, в раю, вместе были изгнаны из рая, вместе растили детей, пережили смерть Авеля от рук Каина и другие скорби, выпавшие на их долю. Они даже вместе отошли в мир иной, и оба оказались в аду. Эту горькую чашу потери первоначальной любви, богооставленности Адам и Ева испили, не покинув друг друга, – это их глубочайший покаянный шаг.

На иконе Воскресения Христова изображено сошествие во ад Христа, Который выводит из преисподней… этих двух людей, сохранивших верность друг другу до конца. Они вместе жили, вместе умерли и вместе были спасены Христом. Речь идет уже не о двух человеческих судьбах, но об одной судьбе двух людей, связанных неразрывно, навечно.

Игорь Петровский
foma.ru

Какими вырастут дети, которых воспитывали гомосексуалисты?

Ответ на этот вопрос уже много лет интересует всех. Сторонники однополых партнерств рьяно утверждают, что детям все равно, есть ли у них папа и мама, или же их выращивают два мужчины (или две женщины). Просемейные и религиозные организации, а также множество психологов вовсю кричат, что выросшие в атмосфере гомосексуальных отношений дети будут по умолчанию психологически травмированы и неполноценны в жизни.

Но в силу того, что легализация однополых партнерств и тем более «браков» начала происходить в некоторых странах не так давно, до недавнего времени еще не было оснований делать объективные научные заключения. По простой причине – еще не выросло поколение таких детей.

Однако осенью 2010 года Марк Регнерус, доктор социологии, адъюнкт-профессор в Техасском университете в Остине (США), начал свое знаменитое научное исследование на тему «Как отличаются взрослые дети, родители которых имеют однополые отношения». Свою работу ученый завершил спустя полтора года – в 2012-ом. Впрочем, анализ данных продолжается доныне – они доступны всем заинтересованным ученым, благодаря Межуниверситетскому консорциуму политических и социальных исследований Мичиганского университета.

Шокирующие последствия

В исследовании принимали участие 3000 взрослых респондентов, чьи родители состояли в однополых сексуальных отношениях. В итоге, полученные данные стали по-настоящему шокирующими. Впрочем, этого стоило ожидать. Но впервые это было доказано авторитетным ученым из авторитетного университета, а результаты были опубликованы в не менее авторитетном издании «Social Science Research».

Высокий уровень венерического инфицирования. В опубликованных данных сообщается, что 25% воспитанников гомосексуальных родителей имели или имеют венерические заболевания – из-за своего специфического образа жизни. Для сравнения, количество зараженных сверстников из благополучных гетеросексуальных семей зафиксировано на уровне 8%.

Неспособность хранить семейную верность. А вот и причина такого уровня инфицирования. Те, кого воспитывали гомосексуальные родители, намного чаще лояльно относятся с супружеской неверности – 40%. Аналогичный показатель лояльности к изменам среди выросших в гетеросексуальных семьях – 13%.

Психологические проблемы. Следующий шокирующий факт – до 24% взрослых детей из однополых «семей» недавно планировали самоубийство. Для сравнения – уровень таких настроений среди выросших в нормальных гетеросексуальных семьях составляет 5%. Воспитанные гомосексуальным родителем люди значительно чаще, чем выходцы из гетеросексуальных семей, обращаются к психотерапевтам – 19% против 8%.

Это и не удивительно. Ведь 31% выросших с мамой-лесбиянкой и 25% выросших с отцом гомосексуалистом когда-либо были принуждаемы к сексу вопреки их воли (в том числе – со стороны родителей). В случае с гетеросексуальными семьями о таком сообщают лишь 8% респондентов.

Социально-экономическая беспомощность. 28% выходцев

из семей, где мама была лесбиянкой, являются безработными. Среди выходцев из нормальных семей этот уровень составляет лишь 8%.

69% тех, у кого мама была лесбиянкой, и 57% тех, у кого папа был гомосексуалистом, сообщили, что их семья в прошлом получала государственные пособия. Среди обычных семей это актуально в 17% случаев. А 38% тех, кто выросли с мамой-лесбиянкой, до сих пор живут на государственные пособия, и лишь 26% имеют работу на полное время. Среди тех, у кого отец был гомосексуалистом, только 34% в данный момент имеют работу на полную загрузку. Для сравнения, среди выросших в гетеросексуальных семьях лишь 10% живут на госпособия, и половина – трудоустроены на полное время.

Расстройство сексуальной самоидентификации. Ну и напоследок – цифры, которые окончательно разрушает миф о том, что воспитание в однополой «семье» не влияет на сексуальную ориентацию повзрослевшего ребенка. Итак, если папа или мама имели гомосексуальные связи, то всего лишь 60–70% их детей называют себя полностью гетеросексуальными. В свою очередь более 90% людей, которые росли в традиционной семье, идентифицируют себя как полностью гетеросексуальных.

Попытка закрыть рот Регнерусу

Что показательно: когда Марк Регнерус готовил к публикации полученные данные, против него начали вести агрессивную информационную кампанию. ЛГБТ-активисты требовали не допустить публичного оглашения результатов исследования. Самые горячие головы стали клеветать, называя Регнеруса мошенником и шарлатаном, требовали уволить профессора из Техасского Университета. Даже многие ученые ополчились против своего коллеги.

Тогда Университет тщательно изучил все обвинения и скрупулезно проанализировал все данные, полученные Регнерусом. Отдельно проверялась методика исследования. В итоге Университет подтвердил, что научная работа имеет высочайшее качество и соответствует академическим требованиям.

Журналисты интернет-газеты «Все Новости» связались с профессором Марком Регнерусом, чтобы прояснить эту ситуацию.

– Кто и с какой целью подверг сомнению Ваше исследование? Кто проводил расследование, и к какому заключению пришла комиссия?

– Насколько я понимаю, Вас интересует прецедент с расследованием, проведенным здесь, в Техасском Университете, касательно соблюдения мной научной этики. Решение о проведении расследования было принято после того, как Нью-Йоркский общественный активист и блогер подал жалобу, утверждая, что с моей стороны имело место нарушение научной этики. Научно-исследовательский отдел университета провел расследование и сделал заключение, что доказательства предъявленного мне нарушения отсутствовали. Таким образом, вопрос был снят.

– Как бы Вы объяснили настойчивое желание ЛГБТ-сообщества добиться Вашего отстранения от работы в Университете и запрета публикации?

– Дело в том, что в США права сексуальных меньшинств и борьба за признание однополых «браков» – вопрос крайне чувствительный. Именно поэтому все стадии исследования – от моей работы как автора до рецензионного процесса и, наконец, привлечения внимания СМИ – все это проходило, что называется, под микроскопом. Я ответил на критику моего исследования в ноябрьском выпуске того же журнала «Social Science Research» (2012) и опубликовал полученные результаты. Все заинтересованные ученые данной отрасли имеют возможность эти результаты анализировать и делать собственные выводы. Но непосредственно данные, которые мы опубликовали, являются точными.

Также показательно, что этому исследованию была посвящена большая статья в The New York Times. Это авторитетное издание также посчитало необходимым публично оповестить читателей о полученных Марком Регнерусом результатах. Таким образом, мировое сообщество едва ли не впервые получило авторитетное исследование, которое проливает свет на трагичные последствия воспитания детей в семьях, где родители практиковали гомосексуальные отношения.

Андрей Гурензай, «Все Новости».

Не старайся угождать плоти, чтобы не полюбить до излишества настоящую жизнь. Но старайся сооружать прекраснейший храм, потому что человек есть храм Великого Бога. И тот сооружает себя в сей храм, кто отрешается от земли и непрестанно шествует к небу. И сей-то храм советую тебе охранять так, чтобы он благоухал от всех твоих дел и слов, чтобы всегда пребывал в нем Бог, чтобы он всегда был совершен, и притом существенно, а не наружно. Не раскрашенный и блещущий красками корабль веди по морскому хребту, но крепко сколоченный гвоздями, удобный для плавания, и искусно оснащенный руками художника, и быстро движущийся по волнам.

Свт. Григорий Богослов

Дети из верующих семей – самая трудная проблема для священника

Дети из неверующих семей

Сейчас особенные трудности с детьми, потому что есть дети, которые приходят в церковь из неверующих семей. Они с рождения воспитывались без веры в Бога. Нужно их всему научить, и очень часто оказывается, что ребенок в своей семье совершенно одинок. Он в семье не может ничего ни у кого узнать, ни у кого ничего спросить, а потом, подрастая, он начинает учить своих родителей вере. Это бывает сейчас очень и очень часто. И, конечно, такого ребенка священник должен в особенности укрепить, ибо он один перед взрослыми.

Вот и папа, мама и бабушки с дедушками его отпускают в церковь. Но, когда он приходит из церкви и говорит, что нужно поститься, а они не понимают зачем, когда он говорит, что нужно молиться, или начинает молиться, эти бабушки или родители смотрят на него, как на сумасшедшего и начинают: «Больше не будешь ходить туда, что ты делаешь?» Как ребенок устоит перед взрослыми, перед авторитетом родителей? Как он устоит, как он отстоит свою веру, то, что он принес из церкви?

Только в том случае, если священник поддержит его, если войдет в его жизнь и даст ему свою силу, даст ему необходимый авторитет, если он внушит ему доверие, веру, если ребенок сможет сказать: «Нет, вы не знаете, а вот батюшка лучше вас знает». Вот если он это сможет почувствовать и сказать, то тогда он выдержит. Священник должен ему в этом помочь своим поведением, своей любовью.

Дети из верующих семей

Но гораздо более трудные проблемы встают в другом случае: когда дети вырастают в семье верующей. Вот это проблема, с которой я не умею справиться. Это, возможно, самое трудное и актуальное для нас. Детям, воспитанным в верующих семьях, со временем надоедает то, что им предлагают родители. Родители и священник должны быть к этому готовы.

Привыкнув ко всему церковному, как к обычному, обыденному, как к тому, что навязывается старшими наравне со многим другим, что делать неприятно, неинтересно, но нужно, они начинают не вполне осознанно отвергать все это. У таких детей начинает проявляться какая-то центробежная энергия. Они хотят чего-то нового для себя, они хотят постичь какие-то неизведанные ими способы жизни, а все, что говорит мама, или бабушка, или отец, – все это уже кажется пресным.

Такие дети очень легко находят недостатки у церковных людей, которые начинают казаться им ханжами, скучными моралистами. Они очень часто в церковной жизни уже не видят ничего достаточно светлого. Такой вектор, такая направленность из церкви делает их по существу не способными воспринимать благодать Божию.

Участвуя в таинствах, даже в причащении Святых Христовых Таин, по существу говоря, они ничего не переживают, они оказываются, как это ни странно, в детском возрасте малоспособными переживать причащение Святых Христовых Таин как соединение с Богом, как встречу с Богом. Для них это одно из привычных, воскрес-

ных, праздничных состояний. Для них церковь часто становится клубом, где можно встретиться и поговорить друг с другом. Они могут здесь о чем-то интересном сговориться, дождаться с нетерпением, когда же кончится служба и они вместе побегут куда-то по секрету от родителей в мир окружающий, во всяком случае, не церковный.

Иногда бывает хуже: им нравится шалить в церкви, даже и такое бывает, или подсмеиваться над разными людьми, которые здесь в церкви находятся, иногда даже над священниками. Если они что-то умеют, если занимаются в церковном хоре, то они с большим удовольствием будут обсуждать, как поют сегодня и – без конца и края всякие насмешки над хорами, над разными певчими, кто как поет, кто что-то слышит, кто что может, кто что понимает.

Они всегда чувствуют себя маленькими профессионалами, которые способны оценить все это. И в таком зубоскальстве у них может пройти вся литургия и вся всенощная. Они совершенно могут перестать чувствовать святость Евхаристического канона. Но это не помешает, когда вынесут Чашу, стать первыми, или, может быть, не первыми, наоборот пропустить маленьких вперед и очень чинно подойти к Чаше, причаститься, потом так же чинно отойти, и через три минуты они уже свободны, все уже забыли и опять предаются тому, что интересно по-настоящему. А момент причащения Святых Христовых Таин… это все для них привычно, все известно, все это малоинтересно.

Легко научить детей выглядеть всегда православными: ходить на службы, сначала к Чаше пропустить младших, уступить место. Они все это могут делать, и это, конечно, хорошо. Приятно видеть таких воспитанных детей. Но это совершенно не означает, что они при этом живут духовной жизнью, что они по-настоящему молятся Богу, что они ищут общения с Богом. Это совершенно не означает устремления к реальному соединению с благодатью Божией.

Таинства по традиции

Соответственно такому их образу жизни возникают трудности на исповеди. Ребенок, который с малолетнего возраста (с семи лет обычно), приходит на исповедь, причащается очень часто по традиции. Скажем, в нашем храме дети причащаются на каждой литургии, на которую их приводят или на которую они приходят сами. Фактически получается раз в неделю, иногда чаще.

Исповедь для них бывает сначала очень интересной и вожделенной, потому что им кажется, что когда они будут исповедоваться, то это означает их некую взрослость, что они уже стали большими. И пятилетний ребенок очень хочет скорее начать исповедоваться. И первые его исповеди будут очень серьезными. Он придет и скажет, что он не слушается маму, что он побил сестренку, или плохо сделал уроки, или плохо помолился Богу, и скажет это все весьма умилительно, серьезно. Но очень скоро, буквально через месяц или два, окажется, что он к этому совершенно привык, и дальше идут целые годы, когда он подходит и говорит: «Я не слушаюсь, я грублю, я ленюсь». Таков короткий набор обычных детских грехов, весьма обобщенных. Он выпаливает их мгновенно священнику.

Священник, который замучен исповедью свыше всякой меры, естественно, прощает и разрешает его за полминуты, и все это превращается в ужасающую формальность, которая, конечно, ребенку больше вредит, чем помогает. По прошествии нескольких лет оказывается, что для такого церковного ребенка уже вообще непонятно, что он должен над собой как-то работать. Он даже не способен испытывать настоящее чувство покаяния на исповеди. Для него не составляет никакого затруднения сказать, что он плохо сделал. Он это говорит совершенно легко. Так же, как если ребенка привести в поликлинику в первый раз и заставить его раздеваться перед врачом, то он будет стесняться, ему будет неприятно. Но, если он лежит в больнице и каждый день он должен поднимать рубашку, чтоб его слушал доктор, то через неделю он это будет делать совершенно автоматически. У него это не будет вызывать никаких эмоций. Так и здесь. Исповедь уже не вызывает никаких переживаний у ребенка. Священник, видя это, оказывается в очень трудном положении. Он не знает, как с этим бороться, что сделать для того, чтобы ребенок пришел в себя.

Как привести в чувство?

Бывают некоторые очень яркие примеры, когда ребенок уже не просто не слушается, ленится и обижает младших, – он вопиющим образом безобразничает. Скажем, в школе мешает заниматься всему классу, в семье он является живым примером отрицательным для всех младших детей и семью терроризирует просто откровенно. Потом начинает вести себя безобразно в обществе: ругаться, курить. То есть у него появляются грехи, для церковных семей совершенно необычные. Тем не менее, как его привести в чувство, священник не знает. Он пытается с ним говорить, пытается ему объяснять:

– Ты же знаешь, что это нехорошо, это же грех.

Да, он давно все это хорошо знает, прекрасно знает, что это грех. Он даже на пять минут способен напрячься и сказать:

– Да, да я постараюсь, я больше не буду…

И нельзя сказать, что он лжет. Нет, он не лжет. Он на самом деле произнесет это привычным образом, так же, как перед обедом он может «Отче наш» прочитать более-менее серьезно за одну минуту, но не больше. После того, как прошло это привычное «Отче наш», он опять живет вне молитвы. Так и здесь. Он может сказать что-то такое, чтобы потом его допустили к причастию, А через день, через два он возвращается на свои рельсы и продолжает жить так же, как и жил. Ни исповедь, ни причастие не дают плодов в его жизни.

Кроме того, священник замечает, что чем больше он, приходя в волнение, начинает разговаривать с этим ребенком более внимательно, более серьезно, тем быстрее исчерпываются его средства. И он выложит почти все, что может, а цели не достигнет. Ребенок все это «скушает» очень быстро и дальше живет так же, как и жил. Мы ему даем более сильные лекарства, он их все поглощает, но они не действуют на него. Он не чувствителен к этим лекарствам, он не воспринимает ничего. Это такая степень окаменения совести, которая просто поражает.

Оказывается, с верующим ребенком священник уже не может найти никакого адекватного языка. Он начинает искать другой путь, он сердится на ребенка. Но как только он начинает сердиться, теряется контакт с ним вовсе. И такой ребенок часто говорит: «Я больше к нему не пойду, к этому отцу Ивану. Ну что он все время сердится – и тут на меня сердятся, и там на меня сердятся»…

Видите, эта проблема является одной из самых трудных для духовника. Здесь нужно очень крепко подумать – чего же тут требуется достичь, к чему надо стремиться. Мне кажется, что нужно стремиться к тому, чтобы как можно дольше оттянуть начало исповеди. Некоторые наивные мамы (таких очень много), если ребенок плохо себя ведет в шесть лет, говорят:

– Батюшка, поисповедуйте его, чтобы он уже начал каяться, может, будет лучше.

На самом деле, чем раньше мы начнем его исповедовать, тем это хуже для него. Нужно помнить, что не зря Церковь детям не вменяет их грехи до семи лет (а раньше это было гораздо дольше). Дети не могут быть вполне ответственны за все так же, как взрослые. Тем более что их грехи, как правило, не смертные. Просто они плохо себя ведут. И лучше их допускать к причастию без исповеди, чем профанировать таинство покаяния, которое они не способны воспринять в силу маленького возраста по-настоящему.

Можно поисповедовать такого грешника один раз в семь лет, а потом в восемь лет, и еще раз – в девять. И как можно дольше оттянуть начало регулярной частой исповеди, чтобы исповедь ни в коем случае не становилась привычной для ребенка. Это не только мое мнение, это мнение многих опытных духовников.

Есть и другое очень важное ограничение. Может быть, таких детей, которые явным образом страдают привыканием к святыне, нужно ограничить и в таинстве причащения. В таком случае лучше, чтобы дети причащались не каждую неделю, тогда причащение для ребенка станет событием. Я скажу вам о своем личном опыте. Когда я был маленьким (было еще сталинское время), вопрос стоял так: если я буду ходить в церковь постоянно, то меня обязательно увидят школьники, которые живут рядом, мои одноклассники, об этом сообщат в школу, и тогда, скорее всего, посадят моих родителей, а меня выгонят из школы.

Опыт

Я вырос в верующей семье, и мои родители были верующими с рождения, среди наших родственников почти все сидели в тюрьмах, дед мой три раза сидел в тюрьме, в тюрьме и скончался: так что была реальная опасность, ходить в церковь часто было невозможно. И я помню каждый мой приход в церковь. Это было для меня великим событием.

И, конечно, речи быть не могло о том, чтобы там шалить… Если хотите, я считанные разы в детстве ходил в церковь. Это было очень трудно, поэтому это был всегда огромный праздник. Я прекрасно помню, каким великим событием была для меня первая исповедь. Потом вторая (наверное, через год), в общем, за все свое детство я исповедовался несколько раз, как и причащался несколько раз за все свое детство. Много лет я просто не причащался или причащался крайне редко, каждый раз это нужно было выстрадать. Причастие Святых Христовых Таин и во взрослом возрасте я переживаю как событие для себя великое. И никогда иначе не было. И, конечно, я благодарю Бога, что Господь не дал мне привыкнуть к святыне, привыкнуть к церкви, к церковной жизни.

Как это ни странно, условия гонений, которые помешали очень многим быть верующими, были более благоприятны для тех, кто все-таки был в

церкви. Сейчас не так. Скажу, что меня мама приучила молиться с самого рождения, как только я себя помню, я помню, что молился Богу каждый день утром и вечером. Я помню, что она учила меня читать «Отче наш» и «Богородице Дево», и я читаю эти молитвы почти до взрослого возраста. А потом еще «Верую» добавилось и несколько слов своих, когда я поминал близких, родных. Но вот такого – утренних молитв и вечерних – я не читал в детстве до довольно позднего времени, То есть я стал их читать, когда захотел это сам делать, когда мне показалось, что моей молитвы недостаточно, захотелось посмотреть книги церковные, и я увидел там утренние и вечерние молитвы и сам их для себя открыл, нашел и стал читать по собственному желанию.

Как можно больше молиться?

Сейчас наоборот родители как можно раньше стараются своих детей заставить как можно больше молиться. И отвращение к молитве возникает в удивительно быстрые сроки. Я знаю, как один замечательный старец прямо писал по этому случаю уже большому ребенку: «Не нужно столько молитв тебе читать, читай только «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся», а больше ничего не читай, больше ничего не нужно». Нужно, чтобы ребенок святое, великое получал в таком объеме, в каком он способен переварить.

В чем тут причина? Мою мать воспитывали в верующей семье. И она учила меня так, как учили ее. Она помнила свое детство и учила своих детей по памяти. Как это обычно бывает в жизни. А потом произошел разрыв непрерывности духовного опыта, и несколько поколений выпало из церковной жизни. Потом они обретают церковную жизнь уже во взрослом возрасте. Когда приходят взрослые девушки или женщины, то им уже дают, естественно, правила большие, они каются по-настоящему. И когда они выходят замуж, и появляются у них дети, – они своим детям дают все то, что когда-то дали им, когда они пришли в церковь. Очевидно, так происходит. Они не знают, как воспитывать детей, потому что их в детском возрасте никто не воспитывал в жизни церковной. Они стараются детей воспитать так, как воспитывают взрослых. И это роковая ошибка, которая приводит к самым плачевным результатам.

Я прекрасно помню одну знакомую моей матери из близкой церковной семьи, у которой было много детей. И помню, что она своих детей с самого детства водила в церковь. Но как? Она приводила детей обычно к моменту причастия, или совсем незадолго до причастия. Они входили в церковь, где они должны были вести себя абсолютно благоговейно, там нужно было на цыпочках пройти, сложивши ручки, причаститься и сразу из церкви уходить. Она не давала им в церкви ни одного поворота головы сделать, ни одного слова сказать. Это святыня, это святая святых. Вот это она прививала своим детям, и они все выросли глубоко верующими людьми.

Мамы на всенощной

У нас теперь не так делается. У нас мамы хотят молиться Богу, хотят простоять всю всенощную, а детей некуда деть. Поэтому они приходят в церковь с детьми, здесь отпускают их, а сами молятся Богу. И думают, что детьми должен заниматься кто-то другой. И дети бегают по храму, вокруг церкви, безобразничают, дерутся в самом храме. Мамы молятся Богу. В результате получается атеистическое воспитание. Такие дети легко вырастут революционерами, атеистами, людьми безнравственными, потому что у них убито чувство святыни, благоговения у них нет. Они не знают, что это такое. Причем у них выбили самое высокое – святыню в самом ее высоком выражении. Даже церковь, даже литургия, даже причастие Святых Христовых Таин – уже ничто для них не свято. Каким еще авторитетом можно будет их потом поворотить к церкви – неизвестно. Вот поэтому, мне кажется, очень важно детей ограничивать в их посещении Церкви, в количестве посещений и во времени посещений. И, может, в причащении, в исповеди. Но это очень трудно, потому что как только мы начнем детей причащать без исповеди, поднимется возмущение, скажут: «Как это, разве можно без исповеди причащаться после семи лет?»

И вот дисциплинарная норма, которая введена была для взрослых, и которая тоже имеет в себе некоторую неправильность, для детей оказывается губительной. Нужно так повернуть жизнь детей, чтобы они свою церковную жизнь заслужили. Если уж не выстрадать, то заслужить. Нужно как-то потрудиться для того, чтобы было можно пойти в церковь. Очень часто бывает так, что ребенок в церковь идти не хочет, но мама хватает его за руку и тянет его за собой:

– Нет, пойдешь в церковь!

Он говорит:

– Я не хочу причащаться.

– Нет, ты будешь причащаться!

И вызывает этим уже полное отвращение ко всему у ребенка. Ребенок начинает кощунство-

вать и богохульствовать прямо перед Чашей и бить мать руками и ногами и рваться от Чаши. А должно быть как раз наоборот. Ребенок говорит:

– Я хочу причащаться!

А мать говорит:

– Нет, ты не будешь причащаться, ты не готов, ты плохо вел себя эту неделю.

Он говорит:

– Я хочу поисповедоваться.

А она говорит:

– Нет, я тебе не позволяю, ты не можешь идти в церковь, ты должен это заслужить.

Бывает, детей берут из школы, чтобы они пошли на праздник церковный. И вроде бы это хорошо, и хочется, чтоб они приобщились к празднику и благодати Божией. У меня у самого дети, я сам так делаю, поэтому очень хорошо это понимаю. Но здесь есть опять-таки очень большая проблема. Это только тогда хорошо, когда ребенок это заслужит. А если он всегда может пропустить школу и идти на праздник, то для него этот праздник уже делается праздником потому, что он школу прогуливает, а не потому, что это, скажем, Благовещение или Рождество, или Крещение, потому что ему сегодня не нужно идти в школу и готовить уроки. То есть это все девальвируется и профанируется беспредельно. И это недопустимо. Может быть, лучше, полезнее для души человека, для души ребенка, сказать:

– Нет, ты не будешь на празднике, ты пойдешь в школу и будешь учиться.

Пусть он лучше в своей школе плачет о том, что он не попал на Благовещение в храм. Это будет полезнее для него, чем прийти в храм и в храме совершенно ничего не ценить, ничего не чувствовать. Все должно в жизни ребенка быть переосмыслено с этой точки зрения. И исповедь должна быть не столько уговорами, священник не столько должен стыдить, сколько он должен поставить все на свои места.

Ему нужно брать на себя смелость, вопреки родителям, сказать:

– Нет, пусть ваш ребенок в церковь пока не ходит.

Спокойно, не сердиться, не уговаривать, но сказать:

– Такие дети нам в церкви мешают. Пусть Ваш ребенок приходит в церковь, причащается раз в несколько месяцев…

Когда молодой человек хочет уклониться от армии, то и родители всячески пытаются его уберечь, спасти. А духовник говорит:

– Нет, пусть идет служить. Это для него будет полезнее.

Так и здесь. Ребенку нужно поставить суровые условия, чтобы он понял, что церковь для него – труднодостижимая цель.

На исповеди духовнику следует общаться с ребенком с большой любовью. Не быть занудным, строгим воспитателем, постараться донести до ребенка, что он его понимает, понимает все его трудности, сказать:

– Это все, конечно, так. Действительно тебе трудно, действительно ты не справляешься. Но это что значит? Это значит, что тебе не нужно причащаться каждую неделю. А раз так, то приходи через месяц или через два. Может быть, ты придешь по-другому.

Нужно с ребенком поговорить совершенно серьезно и заставить родителей все это поставить на свои места.

Церковь может быть лишь великим, радостным, праздничным и трудным переживанием. Церковная жизнь и исповедь должны стать для ребенка вожделенными, чтобы ребенок общение со своим духовным отцом воспринимал как нечто очень-очень для него важное, радостное и труднодостижимое, очень долгожданное. Это будет так, если священник сумеет в нужный момент найти с ребенком личный контакт. Очень часто приходится пережидать переходный возраст, приходится дотягивать до 14, до 15, до 16 лет. Не всегда, но бывает так. Особенно с мальчиками, они бывают невозможными шалопаями, и с ними серьезно говорить просто невозможно. Нужно разумно ограничивать их пребывание в церкви и участие в таинствах. А потом наступит время, когда можно будет сказать:

– Ну вот, ты теперь большой, ты вырос, давай поговорим серьезно…

И складывается какая-то общая жизнь с духовником, личные отношения на серьезном уровне, которые для подростка становятся очень ценными. Все вышесказанное о детях можно резюмировать очень кратко.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы исповедь становилась для детей просто частью церковного быта.

Если так случится, то это профанация, это очень трудно исправимая беда.

Поскольку мы не всегда имеем возможность делать то, что нам кажется нужным, мы должны быть в общем русле, а у нас в церкви фактически допускается общая исповедь, можно объяснить ребенку, что если он знает, что у него нет тяжелых грехов, то в этот раз он должен довольствоваться разрешительной молитвой.

Фрагмент из книги протоиерея Владимира Воробьева «Покаяние, исповедь, духовное руководство»

Маршрут на небо

Троллейбус ехал по своему обычному маршруту. Люди выходили и заходили. К последним остановкам в вагоне оставались две женщины и маленький, бедно одетый мальчик с большими и очень печальными глазами. Одна из женщин вышла на предпоследней остановке. Кондуктор, думая, что мальчик едет вместе с ней, окликнула:

– Женщина, вы забыли своего ребенка?

– Этого, что ли? Такой беспризорник не может быть моим сыном, – брезгливо ответила та.

– Ты чей, мальчик? Может быть, ты потерялся? – Участливо спросила кондуктор.

– Я?.. Я ничей. И еду сам.

– Дети не могут быть ничьими. Где твоя мама? Ты заблудился?

– Моя мама ушла на Небо. Я тоже хочу туда. Тетя, вы не знаете, какой троллейбус едет на Небо?

– Маленький, нет такого маршрута. И добраться туда нелегко.

– Но я так хочу увидеть свою маму… Неужели ни на чем нельзя доехать на Небо?

Тут другая женщина, которая помоложе, подошла к мальчику, обняла его и нежно прижала к груди.

– Как тебя зовут, сыночек?

– Вообще-то я – Митя. Но теперь меня называют 57.

– ?

– Я живу в приюте. Нас там очень много. И ни у кого нет мам. Воспитательница не может всех запомнить и называет нас по номерам.

– Тяжело тебе, малыш?

– Меня никто не любит. Мама всегда меня целовала. Она читала мне сказки на ночь и пела колыбельную. А еще мы вместе молились. Я так хочу увидеть маму. Она ушла и больше не вернулась. Тетя, а ты была на Небе?

– Пока нет, мой хороший. Но я знаю, как туда попасть. Самому тебе дороги не найти. Хочешь, я возьму тебя в свой дом? Мы будем жить вместе и ждать Христа. Он сможет привести нас на Небо, где живет теперь твоя мама.

Глаза мальчика засияли надеждой. Он прижался к доброй женщине, как когда-то к маме, а та нежно гладила его по головке и ласково улыбалась.

На конечной остановке они вышли. Кондуктор с водителем долго смотрели им вслед. Кто-то из них сказал:

– На нашем маршруте остановка «Небо» не отмечена. Но все-таки, мне кажется, она есть на этой линии.

Бог обитает там, где живет любовь. А где Бог, там и до Неба не далеко.

Деревья

Древние скандинавы представляли мировой ясень центром творения. В Библии Древо жизни и Древо познания Добра и Зла находились в самой сердцевине Эдема – как зёрнышки внутри яблока Мироздания. И праведники, которые удостоились видеть Рай при жизни, вспоминали о множестве деревьев: высоких, шелестящих, благоухающих...

...Белая плоскость зимнего пейзажа была бы совсем безрадостна, если бы не деревья – с их причудливыми изгибами ветвей, снежными шапками, глубокими тенями, протянувшимися по сугробам. Иногда на ветках можно разглядеть снегирей или синиц, мелькающих, словно быстрые огоньки. А ворона, усаживаясь на самые тонкие верхние ветки, обрушивает вниз целый поток снега, и снежинки ещё долго вьются в морозном воздухе. В ясный день дерево, словно фейерверк, искрится множеством огней, а в пасмурный кажется, что облака лежат прямо на их белых верхушках.

Дерево обладает удивительным качеством – оно всегда отдаёт человеку тепло: будь то сосновые дрова в печи, дубовые стены дома, ёлка, сияющая разноцветными огнями, или горячие запечённые яблоки на тарелке. И прикасаясь к их шершавой (такой похожей на ладонь) коре, чувствуешь, что они на самом деле произошли от саженцев, давным-давно пустивших свои корни в центре Мирозданья.

Максим Шмырев

Реальная история, попавшая в газеты

Армада флота Соединенных Штатов была на военно-морских учениях у побережья Канады, когда по радио прозвучал следующий разговор:

– Пожалуйста, измените свой курс на 15 градусов к северу, чтобы избежать опасности столкновения.

– Нет, это мы советуем вам изменить свой курс на 15 градусов к югу, чтобы избежать опасности столкновения.

– Повторяем. Развернитесь на север, чтобы избежать столкновения.

– Настойчиво рекомендуем вам развернуться на юг, чтобы избежать столкновения.

– Это капитан военного судна Соединенных Штатов. Повторяю еще раз, немедленно измените курс!

– А мы – канадский маяк. Так что сворачивайте сами.

Чем меньше в жизни мы спорим, тем больше у нас возможностей не врезаться в маяк.

Плотник и его дом

Хозяину было жаль расставаться с хорошим работником, и он попросил его об услуге – построить еще один дом. Плотник согласился, но было видно, что во время работы он думал о чем-то другом, совсем не старался, материалы брал какие попало.

Когда плотник закончил работу и дом был готов, хозяин протянул плотнику ключи от входной двери. «Этот дом, – сказал он, – мой подарок для тебя». Как же расстроился плотник. Если бы он знал, что строит для себя, он бы сделал все совсем по-другому.

Делай все как для себя. Как ты помогаешь устраивать жизнь другим, так же устроится и твоя собственная.

Сходная ошибка

Однажды атеист спросил богослова:

– Расскажи мне о доказательствах существования Бога?

– Я бы предпочел не отвечать на твой вопрос, – отозвался богослов.

Позже у богослова спросили, почему он не ответил.

– На этот вопрос нельзя дать ответа, не сделав ошибки, сходной с ошибкой атеиста. Ошибка атеистов состоит в том, что они отрицают то, что нельзя выразить словами. А ошибка богословов состоит в том, что они слишком много говорят о том, чего нельзя словами выразить.

Бога можно увидеть душой, если она для этого готова.

Два совета
(притча для детей и взрослых)

Посоветовала лиса ежу в парикмахерскую сходить.

– Такие колючки, – говорит она, а сама облизывается, – больше не носят. Теперь в моде прическа «под черепаху»!

Послушался еж совета и пошел в город.

Хорошо, что вслед за лисой сова мимо него пролетала.

– Ты уж тогда сразу попроси себя огуречным лосьоном и морковной водой освежить! – узнав, в чем дело, сказала она.

– Зачем? – не понял еж.

– А чтобы лисе вкуснее есть тебя было! – объяснила сова. – Ведь до этого ей колючки твои мешали!

И только тут еж понял, что не всякому совету и, уж тем более, не всякому, дающему совет, можно верить!

Язык за зубами

Как-то раз пожаловался один человек мудрецу:

– Все говорят, что я не умею держать язык за зубами, даже называют кляузником. Честно говоря, я много злословил в своей жизни. Как бы мне теперь исправить все необдуманные слова?

Мудрец сказал:

– Возьми перьевую перину, поднимись на самую высокую крышу и развей перья по ветру. После возвращайся ко мне, я буду ждать тебя.

Человек мигом сделал все, что велел старец. Довольный, он прибежал обратно и спросил: – Ну что, теперь я все исправил?

– Нет, – ответил мудрец, – это была лишь часть задания. А теперь иди и собери все перья до одного.

Человек удивленно посмотрел на старца и понял, что тот дал ему хороший урок на будущее.

Притча о голубе и неприятном запахе

Жил-был голубь, который постоянно менял гнезда. Ему был невыносим неприятный, острый запах, исходивший от этих гнезд.

Как-то он горько пожаловался на это старому, опытному голубю. Тот все выслушал и сказал:

– Обрати внимание: оттого, что ты постоянно перелетаешь из гнезда в гнездо, ничего не меняется: запах, который тебе так мешает, идет не от гнезд, а от тебя самого.

Лучшая проповедь

Было время, я хотел выучить сто языков. И на каждом из них хотел рассказать людям евангельскую историю. «Пусть миллионы поверят в Иисуса Христа», – думал я и твердил наизусть турецкие фразы, французские глаголы и персидские пословицы.

А однажды случилось мне увидеть в торговом центре просящего милостыню корейца (а может, вьетнамца, кто их разберет). Он не знал языка и не мог рассказать, как здесь оказался. Ему нужны были не деньги, а еда. Это читалось в его глазах.

Я взял его за руку и повел к одному из фастфудов. Купил суп, хлеб, второе и сок. Ничего не сказал, но подумал: «Ради Тебя, Господи».

Это было пару лет назад. Языки я так и не выучил, а то была моя лучшая проповедь.

Из книги воспоминаний протоиерея Андрея Ткачева «Лоскутное одеяло»

Божии Таинства

Всякий, кто полагает, что может познать Божии Таинства с помощью научных теорий, похож на глупца, который хочет увидеть рай в телескоп. Точно так же невозможно увязать Евангелие с человеческим здравым смыслом. В основе здравого смысла лежит выгода. В основе Евангелия – любовь.

Профессор и студент. Что такое зло?

Профессор в университете задал своим студентам такой вопрос.

– Все, что существует, создано Богом?

Один студент смело ответил:

– Да, создано Богом.

– Бог создал все? – спросил профессор.

– Да, сэр – ответил студент.

Профессор спросил:

– Если Бог создал все, значит, Бог создал зло, раз оно существует. И согласно тому принципу, что наши дела определяют нас самих, значит, Бог есть зло.

Студент притих, услышав такой ответ. Профессор был очень доволен собой. Он похвалился студентам, что он еще раз доказал, что вера в Бога – это миф. Один из студентов поднял руку и спросил:

– Могу я задать вам вопрос, профессор? Холод существует?

– Что за вопрос? Конечно, существует. Тебе никогда не было холодно?

Студенты засмеялись над вопросом молодого человека. Молодой человек ответил:

- На самом деле, сэр, холода не существует. В соответствии с законами физики, то, что мы считаем холодом, в действительности является отсутствием тепла. Человека или предмет можно изучить с точки зрения того, имеет ли он или передает энергию. Абсолютный ноль (минус 460 градусов по Фаренгейту) есть полное отсутствие тепла. Вся материя становится инертной и неспособной реагировать при этой температуре. Холода не существует. Мы создали это слово для описания того, что мы чувствуем при отсутствии тепла. Студент продолжил:

– Профессор, темнота существует?

– Конечно, существует.

– Вы опять неправы, сэр. Темноты также не существует. Темнота в действительности есть отсутствие света. Мы можем изучить свет, но не темноту. Мы можем использовать призму Ньютона, чтобы разложить белый свет на множество цветов и изучить различные длины волн каждого цвета.

Вы не можете измерить темноту. Простой луч света может ворваться в мир темноты и осветить его. Как вы можете узнать, насколько темным является какое-либо пространство? Вы измеряете, какое количество света представлено. Не так ли? Темнота – это понятие, которое человек использует, чтобы описать, что происходит при отсутствии света.

В конце концов, молодой человек спросил профессора:

– Сэр, зло существует?

На этот раз профессор ответил очень неуверенно:

– Конечно, как я уже сказал. Мы видим его каждый день. Жестокость между людьми, множество преступлений и насилия по всему миру. Эти примеры являются не чем иным, как проявлением зла.

На это студент ответил:

– Зла не существует, сэр, или, по крайней мере, его не существует для него самого. Зло – это просто отсутствие Бога. Оно похоже на темноту и холод – слово, созданное человеком, чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло – это не вера или любовь, которые существуют, как свет и тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека Божественной любви. Это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света.

Профессор был посрамлен. Имя студента было Альберт Эйнштейн

Мера жизни

Святитель Николай (Велимирович) говорил:

– Садовник срезает ветви, чтобы дерево быстрее росло и лучше плодоносило. Если он превысит меру и срежет лишнее, – дерево засохнет. Верь, что Бог наблюдает за каждым человеком заботливее и милосерднее любого садовника. Послушай, как рассуждает преподобный Нил Сорский: «Если горшечник знает меру предержания сосуда в огне, чтобы тот не лопнул, неужели Бог не знает меры наших страданий?» Верь, что Господь имеет куда большее рассуждение и любовь, чем человек.

Короткая мудрая притча

Ученик пришел однажды к своему старцу и спросил:

– Как мне научится прощать, Учитель?

– Никогда не суди других, и тебе никогда не придется прощать.